

СМЕРТЬ
За левым плечом

Юлия Ляйнина

Юлия Ляпина

Смерть за левым плечом

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51249934
Смерть за левым плечом / Юлия Ляпина: Авторское; 2020*

Аннотация

Сын короля – беспомощный калека? Больной наследник – что может быть ужаснее для короля? А как быть с необычайным предсказанием, гласящим, что нервный комок плоти станет великим королем, и имя его будет занесено в Книгу Королей? Есть ли на белом свете человек, способный удивить юношу, мечтающего о смерти? Так начинается эта история... Эта книга о временах суровых мужчин и прекрасных женщин. О кровавых битвах и сладких любовных песнях. О вере в судьбу и борьбе с предназначением. Прекрасная сказка о людях и силах, которые делают их жизнь незабываемой!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 9	46
Глава 10	49
Глава 11	56
Глава 12	63
Глава 13	67
Глава 14	74
Глава 15	77
Глава 16	85
Глава 17	89
Глава 18	95
Глава 19	101
Глава 20	106
Глава 21	110

Юлия Ляпина

Смерть за левым плечом

Пролог

Феи существа капризные, ветреные, но безусловно очаровательные! Пусть порой нас обвиняют в злобности, уверяю вас, это совсем не так!

Ну представьте себе: сидишь ты, беззаботно болтая ножками в огромном цветке розы, попиваешь ароматную росу с капелькой нектара и ждешь в гости лучшую подружку. Вокруг тишина, жаркое летнее утро смягчается восхитительным ветерком. Вдруг! Грохот, топот ног и огромный шумный мальчишка сует свой любопытный нос прямо в твою гостиную! Да этот нахал еще и нектар расплескал! Прямо на мое лучшее платье из лепестков маргаритки!

Как было не обидеться?

Вот я и обиделась! Влепила по нему заклятием! Потом конечно пожалела, да и подружка Сирна прилетела. Вместе поахали над испорченным платьем, вместе отыскали розу со свеженьким нектаром и набрались как жадные пчелы.

А поутру Сирна строго мне заявила:

– Льюнет, ты не права!

Голова у меня трещала от доброй порции нектара с росой

и отыскать свежую каплю казалось куда важнее, чем потребовать объяснений. Так что вспомнила этот разговор я только к обеду, когда мысль о пылице уже не вызывала головокружения:

– Сирна, в чем, по-твоему, я не права? – поинтересовалась я, рассматривая свое отражение в каменной чаше дождевой воды.

– Ты слишком сильно заколдовала этого мальчишку! – заявила эта предательница, болтая ножками и дергая остреньким ушком.

– Вот еще! – надула я губы. – Он нам едва вечеринку не сорвал!

– Но ведь не сорвал? – настаивала подружка, накручивая черную прядку на паутинку.

– Не хочу я его расколдовывать! Знаешь, сколько я эту розу искала! – но запал уже пропал и я признала, что погорячилась.

– Вот видишь, – Сирна полюбовалась своим отражением в капельке и предложила: – Если не хочешь расколдовывать, задай условие. Три дня ведь еще не прошло?

– Нет. – Совершенно бредовая идея пришла мне в голову, и я восторженно захихикала: – Я знаю, каким будет условие! Пусть заклятие снимет тот, кто может нас видеть!

– Льюнет! Это жестоко! – Сирна поджала губы.

Она всегда была мягкосердечной и правильной, за что Старейшая ставила ее в пример прочим юным феечкам. За-

то, когда Сирна сломала ноготь, ближайшую деревню пришлось перестраивать полностью!

– Если хочешь, – надулась я, признавая ее правоту, – ты можешь добавить условие сама! Только мое все равно будет главным!

– Хорошо! – подружка потеряла смоляную прядь и выдала: – для снятия заклятия им достаточно будет встретиться.

Потом она хлебнула еще и набормотала несколько слов.

Вот только в бокале Сирны была не роса... Ну перепутала я! Пе-ре-пу-та-ла! Забродивший нектар достала.

Может быть, Сирна сохранила свое благоразумие? Надеюсь! Больше я этого наглого человечка не видела, а сад скоро совсем опустел, как и дворец.

Глава 1

Тарис

Оглушающая слабость – день за днем. Во рту привычная горечь, а за левым плечом – столь же привычная тень. Тень, имеющая смуглые тонкие руки. Руки иногда милосердные, а иногда жестокие. Сильные пальцы с короткими чистыми ногтями, вырывающие мою хрупкую плоть из лап смерти и погружающие в туман слабости и боли.

Голова большую часть суток словно набита ватой. Боль затягивает и манит, а иногда играет со мной, давая передышку. Я был бы счастлив это прекратить, но смуглые руки начеку. В прошлый приступ я ухитрился упасть с кресла и ударится головой о подлокотник. Увы, неудачно. Кровь успели остановить, и теперь мою талию пересекает страховочный ремень, обтянутый синим бархатом.

Слуги редко появляются в моих покоях. Под предлогом «нельзя беспокоить больного» все живущие во дворце избегают меня. Здесь нет моих сверстников из знатных родов, желающих обрести благоволение наследника престола. Нет праздников и гостей – наследника нельзя волновать! Любое напряжение вредно! Порой мне хочется оборвать тонкую нить, еще привязывающую меня к жизни, а потом приезжает она.

Вчера она снова навестила меня. Королева. Мама. Вошла

в комнаты, не сняв черной маски. Плащ с глухим капюшонном едва держался на ее плечах, когда она порывисто обняла меня.

Для двора это очередная поездка в монастырь Добрых сестер. Под этим предлогом Ее Величество заглядывает ко мне два раза в год. Всегда ночью, всегда одна. Лекарь делает вид, что оставляет нас наедине, а сам подслушивает под дверью. Смешно.

Еще в обед он дает успокоительное, даже не глядя на зрачки и не слушая пульс. Тогда я точно знаю, что приедет мама. У нее мягкие нежные руки и голос – хрупкий, как надколотый хрусталь. Она редко говорит, только плачет и перебирает мои волосы, гладит лицо.

Однажды, когда мне было тринадцать, она сказала, что я очень похож на отца. А потом в ужасе позвала лекаря и все два отпущенные нам часа смотрела, как я бился в истерике, пока очередная микстура не погрузила меня в черноту.

Снова ночь. Ночью легче, все спят. Даже мой мучитель спит на соседней койке. Вчера его не удалось обмануть, но будет новый день и я придумаю что-нибудь еще...

Глава 2

Познание начинается с удивления
Аристотель

О наследном принце в столице ходило множество слухов. Торговцы полагали, что он великий ученый, который день и ночь сидит в башне в надежде получить эликсир, превращающий медь в золото.

Ученые считали его святошей, день и ночь творящим молитвы в дворцовой часовне.

Священники почитали бездельником, тратящим время на книги и развлечения, а простой люд шептался, что Их Высочество Тарис – вампир, обходящий город по ночам.

На деле правду знали только во дворце и тщательно ее скрывали. Принц Тарис был болен. Так болен, что только постоянное присутствие лекаря до сих пор не позволило наследнику уйти в мир иной.

Зачем же правящий король всеми силами добивался выживания единственного сына? Разве не могли они с королевой родить других детей или передать корону одному из многочисленных родственников? Увы, невозможно было ни то ни другое.

Согласно бродящим в стенах дворца слухам, в час рождения принца малый дворец, навестили три неведомых суще-

ства. Сначала их никто не заметил. Королева мучилась от схваток, король волнуясь вытаптывал ковер в большой гостиной. По мановению руки незнакомцев, вся стража уснула, слуг также сморил сон, и даже любимые королевой птички в клетках затагнули крохотные глазки полупрозрачной пленкой.

Войдя в зал, где король с придворными ожидали вестей, они приняли облик трех ветхих старцев в длинных мантиях и колпаках. Их тонкие морщинистые пальцы, испачканные чернилами, держали свитки из самого лучшего пергамента. Изящно раскланявшись, старцы поздравили короля с рождением сына, поименовав новорожденного «принцем Тарисом». Его Величество вежливо встретил незнакомцев, хотя и был взволнован – из покоев королевы давно никто не выходил. Но настойчивые придворные стремились узнать, что за незваные гости явились во дворец.

Тогда величественные старцы отрастили лорду Цую ослиные уши, а леди Зейрон длинный язык и, поблагодарив короля за любезность, растворились в воздухе.

Перед тем как исчезнуть, духи оставили на столе свиток, который представлял собой лист «Истории королей» – огромной книги, хранящейся в королевской сокровищнице.

На листе в положенной для летописи форме была сделана запись о великом короле Тарисе. Текст обрывался на перечислении его деяний, но самым удивительным было то, что этот неизвестный Тарис родился в один год, день и час с на-

следником престола. Ибо из комнат королевы вышла старшая фрейлина и сообщила, что у короля и королевы родился сын.

Обсудив все произошедшее, царственная чета добавила к обычному списку родовых имен наследника «Тарис» и позабыли о странностях рождения принца.

Однако примерно в трехлетнем возрасте принца сразил странный недуг – резвый и подвижный ребенок вдруг начал падать, потом похудел, а следом ослабел настолько, что в некоторые дни с трудом держал голову.

На консилиум были призваны лучшие врачи королевства, которые общими усилиями поставили страшный диагноз – сердечная недостаточность. По их прогнозам наследнику не суждено было прожить более двадцати лет.

С той поры во дворце появилось высокое кресло на колесиках и смуглокожий лекарь, пропахший лекарствами и пряностями. Местные доктора братья за излечение или хотя бы поддержание жизни наследника отказались. На плаху в случае неудачи не хотел никто.

Поначалу король с королевой не теряли надежды на исцеление, обращались к лекарям всех соседних стран, платили огромные деньги за чудодейственные эликсиры и порошки, но улучшения не было. Принц по-прежнему еле сидел, а в иные дни от слабости не мог подняться с постели.

Кроме того они еще не раз пытались зачать ребенка, но все попытки оканчивались ничем. Устав встречать в коридо-

рах дворца бледную немочь с синими губами, взбешенный король выслал наследника в летнюю резиденцию и попытался завести ребенка на стороне, соблазнив молоденькую и глупенькую графскую дочку, недавно представленную ко двору.

Окончилось все печально. Королева заперлась в своих покоях, переживая измену мужа, а глупышка, скинув плод, потеряла возможность иметь детей. Пытаясь все исправить, король устроил ее брак с вдовым бароном Пограничья и пообещал жене, что подобное не повторится. Однако и сына больше видеть не хотел.

Наследник был старательно забыт всем двором. С родителями он виделся редко. Впрочем, король лично подбирал для него лучших наставников по истории государства, тактике, стратегии и политике. Неясно было, что им двигало. Вероятно, он цеплялся за смутную надежду, дарованную листом летописи.

Бесконечные дневные часы наставники начитывали свои предметы неподвижному юноше в высоком кресле и боялись заглянуть в его полные страдания глаза.

Глава 3

Тарис

Опять тактика, бедный барон Бурго! Я бы с радостью показал на карте лучший вариант перемещения войск по пересеченной местности, но голова все еще кружится после обеда, и рука отказывается сжимать указку. Ничего, осталось полчаса и барона сменит господин Лассаль. Он интересно рассказывает о третьей династии и возможно принесет граюры с портретами монархов. А следом, что у нас следом? Не помню, опять темнеет в глазах.

А время шло своим чередом, принц рос, учился и выживал день за днем, час за часом. И, несмотря на все сложности такого существования, наследнику короны вскоре должно было исполниться пятнадцать лет.

Тарис

Вчера был приступ. Надир успел – влил мне в глотку целый флакон вонючего зелья, а потом долго растирал мои ледяные руки и ноги. Ему не хватало сил и он кликнул горничных. Простыни пропитались запахом заморского масла, которое они щедро втирали.

Сегодня он решил, что мне полезно провести время на свежем воздухе и выкатил кресло в сад. На солнце нельзя – перегрев опасен! К воде тоже нельзя – могу простудиться!

Осталась тенистая виноградная аллея, укрытая от ветра высокими деревьями. Резные решетки превращали виноградник в сказочное кружево из тяжелых кистей, причудливо переплетенных веток и похожих на детские ладошки листьев. Я любовался лиловыми тенями на желтом песке и молчал. Лекарь тоже не спешил начать беседу.

В тишине мы доехали почти до конца аллеи, когда Надира позвали – прибыли ингредиенты для его бесконечных микстур – и он ушел, предварительно с подозрением взглянув на меня своими черными глазами.

Я вздохнул, наслаждаясь минутами свободы.

И тут до меня донесся громкий плач. Плач? Здесь, во дворце? Здесь не было детей с моего рождения и мне стало любопытно. Жаль, что нет сил развернуть кресло.

Но разворачиваться и не понадобилось. В аллею вбежала девочка, самая настоящая девочка. Я не знал, сколько ей лет, но она едва переросла подлокотники моего кресла. Спутанные кудряшки и длинный подол платья – вот и все, что я заметил в первый момент. Кажется, она меня совсем не заметила. Перед собой она держала палец с несколькими капельками крови – поранилась? Наконец увидев меня, она перестала кричать и подошла ближе, изумленно меня разглядывая:

– Ты кто? – широко распахнутые детские глаза смотрели удивительно серьезно.

– Тарис, – коротко ответил я, стараясь не спугнуть

необычную гостью.

– А почему ты такой худой? – на лице девочки мелькнула жалость.

– Я болен, – мне удалось выговорить это легко, словно это не имело большого значения, а потом я поспешил отвлечь малышку вопросом: – Почему ты плакала?

– Уколола палец. Там, – крошечная ручка указала за спину. – Хотела заглянуть в цветок.

– Заглянуть в цветок? – от изумления мои брови спрятались под длинной челкой, – Зачем?

– Чтобы найти спящую фею! – Малышка подняла на меня огромные голубые глаза и серьезно добавила: – Если поймать спящую фею, можно загадать любое желание.

– Любое? – в моем голосе прорвалась насмешка.

– Да! – искренняя детская вера не знала сомнений.

– А что бы загадала ты? – спросил я, чувствуя себя испушенным взрослым.

Девочка внимательно на меня посмотрела, и укоризненно покачало головой. Мне стало стыдно. Потом она рассеяно подула на палец.

– Уже не болит? – Я кивнул на пухлую ладошку.

– Болит, – маленькое личико скривилось. – Полечи мне его, как мама.

Я растерялся:

– Я не знаю, как лечит мама.

Малышка неожиданно подошла совсем близко и сунула

мне пальчик в лицо:

– Облизни и подуй!

Это было странно, необычно, я слизнул алую капельку и подул на розовый пальчик.

– Уже прошло!

Девочка солнечно улыбнулась и продолжила меня рассматривать.

Вдруг в аллею вбежала молодая женщина в платье прислуги и, увидев меня, сделала реверанс. А за спиной – знак, отворачивающий беду. Потом с приседаниями схватила малышку и утащила ее прочь. Стало грустно.

Вскоре пришел Надир и отвез меня в столовую, где был сервирован обед. Первым блюдом как обычно был куриный бульон с пряными корнями. Надир следил, чтобы его варили из молодых цыплят, и сам подбирал пряности, вызывающие аппетит.

Сегодня чашка показалась мне маленькой и я попросил добавки. Надир послушал пульс и кивнул лакею. После третьей чашки меня потянуло в сон и лекарь увез меня в спальню. Хорошо, что колеса почти не скрипят, не мешают видеть сны.

Глава 4

Если у вас много свободного времени – родите ребенка и будете о свободном времени только мечтать.

Этель

Утром маму тошнило, и она попросила тетю Лиису взять меня с собой. Тетя поворчала, но согласилась – ей нравилось идти со мной по улице. Прохожие оборачивались на нас и улыбались. У меня очень красивая тетя!

А во дворце она сразу отводила меня на кухню. Там румяный и кудрявый господин Скай давал нам по куску сладкого пирога с травяным чаем и мы завтракали. А потом шли работать. Тетя несла ведро с водой и тряпки, а я замечательную метелочку из куриных перьев! Ею так здорово можно было обметать резные шкафы и статуэтки!

До обеда мы вытирали везде пыль, расставляли по местам безделушки и книги в библиотеке. Закончив уборку, шли в сад.

Добрейший господин Скай укладывал в корзинку хлеб с сыром или мясной пирог и фляжку с морсом. Сад был такой красивый! Пока тетя расстилала на траве салфетку, я потихоньку заглядывала в самые крупные и красивые цветы – вдруг там прячется фея?

В тот день господин Скай пошел на пикник вместе с нами.

Он был такой серьезный – в накрахмаленной белой рубашке, и клетчатом жилете. Наверное, господин повар волновался, потому что все время тербил малиновый шейный платок. Когда мы поели, он велел мне все собрать, а сам вместе с тетей пошел прогуляться в тисовую аллею.

Я быстро сложила салфетку и остатки пирога в корзинку и тоже пошла погулять. Идя по саду, я заглядывала в цветы, но фею не видела. Зато нашла кустик с красивыми красными ягодами и два кустика с синими.

Вдруг я уткнулась носом в скамейку. Это была высокая каменная скамья с завитушками, немножко заросшая зеленым мхом, но все равно очень красивая. Скамейка оказалась восьмиугольной, а в центре ее рос пышный розовый куст с крупными красивыми цветами.

Я полезла на скамейку, что бы заглянуть в самый большой цветок, но поскользнулась и схватилась рукой за ветку. В палец пребольно впился толстый кривой шип, с тонким острым кончиком.

Закричав от неожиданной боли, я побежала к тете, но свернула не туда и выбежала в другую аллею. Там стояло высокое кресло, а в кресле сидел человек. Странный – вроде бы не старый, а сидит в кресле – и очень-очень худой, как старая нищенка у стены храма. Листья винограда шелестели, словно шептали, а человек в кресле смотрел на меня черными, как мокрые виноградины, глазами.

Сначала я испугалась – думала, что он будет ругаться, но

он сидел так же неподвижно, только ветер раздувал его длинные темные волосы. Я подошла ближе и мы немного поговорили. Совсем чуть-чуть. Наверное, он болен – голос тихий-тихий, как шелест ветра в листьях. Мне стало его очень жалко, я всем сердцем пожелала ему выздоровления.

А потом прибежала тетя Лииса и утащила меня на кухню. Там она усадила меня на стул и долго кричала, трясясь, как желе. Господин Скай брал ее за руку и что-то говорил, успокаивая. Потом тетя почему-то стала белая, а у меня сами собой закрылись глаза.

По дворцу слухи разносятся быстро: и дня не прошло, как горничная Лииса унесла домой заболевшую малышку-племянницу. Все слуги это обсудили.

Снова новости – принцу опять стало плохо. Он переел за обедом! Теперь спит второй день, никто не может его добудиться. Правда лекарь все равно велел варить укрепляющий бульон – собирается кормить его через серебряную трубку, как всегда после приступов.

Горничная Лииса пришла сама не своя – племянница лежит в постели и тает на глазах. Доктора выписывают укрепляющие микстуры и бульон, а мать девочки ждет ребенка и не в состоянии долго стоять на кухне. Добрый повар отлил ей кувшинчик сваренного для принца бульона, а мажордом отпустил на недельку домой – все равно от расстроенной горничной толку мало, еще разобьет чего!

Тарис

Кхе-кхе, фу! Опять трубка не дает сжимать зубы и теплый бульон льется в горло! Фу, сейчас выплуну все на простыни, пускай меняют! Но как вкусно! Еще!

– Да уберите вы эту трубку!

Лекарь изумленно смотрел на принца, вытолкнувшего трубку и ухватившего чашку с бульоном руками.

– Ммм, Надир, прикажи подать еще! И мяса!

– Ваше высочество! Позвольте!

Лекарь поймал худую руку наследника престола и вслушался в ровный, чуть частящий пульс. Пульс сильный, наполненный, словно в истощенном теле билось здоровое сердце! Но этого не может быть!

– Надир, я сейчас умру с голоду! – в тщедушном теле прорезался удивительно сильный голос.

– Слушаюсь, Ваше Высочество! Одну минуту, сейчас все принесут!

– И пирожков с медом пусть подадут, и еще чего-нибудь вкусного, побольше!

Изумленный лекарь сбежал на кухню. Его переполняло желание поделиться новостями. Среди печей и столов он лично собрал поднос с легкими диетическими блюдами.

Повар, не скрывая удивления, ставил на поднос блюдца с вареными яйцами и отварной птицей. Пекарь же едва не упал от изумления, когда из покоев затребовали корзинку пирожков и молоко. Потом добрейший господин Скай столь

же удивленно рассматривал пустые тарелки.

Сытый принц вновь уснул, а утром самостоятельно встал с кровати и посетил туалетную комнату. Потом потребовал обильный завтрак и ванну. А после еды, пошатываясь, выбрался в сад – своими ногами!

Пораженный лекарь отправил донесение королю. В загородном дворце вновь собрался консилиум из самых известных докторов. Посовещавшись три дня, достойные доктора признали принца абсолютно здоровым, только чрезмерно худощавым молодым человеком.

В заброшенную в течение четырнадцати лет летнюю резиденцию тотчас были присланы учителя по чистописанию и фехтованию, преподаватели музыки и танца. Да-да, не удивляйтесь! Принц, имевший в своей голове практически всю Королевскую энциклопедию, не умел писать, потому что до сих пор не мог удержать в пальцах перо.

И начались дни, заполненные учебой. С утра и до вечера принц танцевал, фехтовал, выписывал изящные завитушки и барабанил по клавишам старенького клавесина.

А между тем горничная Лииса вернулась на службу и с грустью в голосе рассказала, что доктора велели родителям крошки Эстель отвезти девочку к морю:

– Пришел тот старенький доктор, который живет у Королевской площади. Вы знаете, какой он добрый, даже денег не взял. Ларине капли выписал, чтобы не плакала. Да сказал, что малышке нужно хорошо кушать да дышать чистым воз-

духом. Тогда может и поправится. Дети, говорит, сильные и часто выживают там, где взрослые не могут.

Лииса всхлипнула и, утерев глаза фартуком, продолжила:

– Вот Калеб, муж сестренки моей и решил, что лучше уж всем сразу к морю уехать, пока Ларина не родила. Домик продали и поехали. А Эстель пришлось прямо в кроватке везти. Совсем она ослабла и кашляет, страшно так!

Слуги, собравшиеся на кухне, повздыхали и вернулись к своим делам. Поправившись, принц начал кушать много и разнообразно, да и гости в прежде позабытый малый дворец зачастили.

Кто хотел убедиться в выздоровлении наследника и потере собственных перспектив, кто пытался вычислить место принца в политических раскладах, а кто – то просто приглядывался к худощавому юноше, неожиданно вернувшемуся к жизни. Так что жизнь в малом дворце набирала обороты.

Глава 5

*От перемены мест слагаемых сумма не
меняется.*

Учебник математики, 1-й класс.

Этель

– Пииить!

Девочка лет семи, лежащая на солнечной веранде, чуть шевельнулась и прошептала еще раз:

– Пиить!

Молодая женщина, качавшая рядом люльку с младенцем, встала и налила в стакан немного освежающего травяного настоя.

Напоив дочь, поправила на ней тонкое одеяло и вернулась к недошитой распашонке. Уже почти два года, как они переехали к морю. Во многом им повезло. Несмотря на странную болезнь дочери, удалось сразу купить домик, найти работу мужу и хорошую повитуху к рождению сына. Позже муж пристроил к домику крепкую веранду с видом на море, где вся семья проводила теплые вечера. Только вот доченька, радость родительская, едва начала вставать.

Старенький лекарь с Королевской площади написал письмо своему другу, живущему в южном городе, куда переехала семья малышки. Теперь он частенько их навещает с кувшин-

чиком холодного вина и сладостями для детей. Разговаривает с Эстель, приносит ей книжки и разноцветные палочки мела для аспидной доски. Кривясь, Эстель пьет микстуры и докторус обещает взять девочку к себе в помощницы, если она поправится.

Медленно, очень медленно, но Эстель поправляется, вчера вот уже играла с братом, а сегодня снова лежит без сил. Ну ничего, ничего, не надо плакать! Кaleb скоро придет, пора готовить ужин.

Тарис

Через два года после чудесного выздоровления принц был официально представлен двору.

Так как, по мнению многих, ранее, он находился на излечении, а потом на обучении, то теперь протоколом было предусмотрено официальное представление членов двора. Его Королевскому Высочеству предстояло получить некоторые специфические регалии, а также принять участие в торжествах, по поводу возвращения наследника в столицу.

За эти два года король так и не навестил сына, но продолжал получать ежедневные доклады о его успехах. Примерно через месяц после доклада лекаря, когда выздоровление принца стало несомненным, Его Величество направил в малый дворец личного советника по внешней политике мэтра Ливорно.

Мэтр многие годы служил в дипломатическом корпусе и

имел за плечами немало политических баталий. Попутно он выслужил дворянство, даже баронство, причем мог передать титул по наследству, но предпочитал по старинке именоваться «мэтром».

Этот немолодой уже человек всюду ходил в строгом черном камзоле с серебряным шитьем и предлагал желающим понюхать заморскую траву из изящной серебряной шкатулки. При дворе находилось немало оболтусов, желающих пошутить над забавным старичком. Только вот мэтр Ливорно в свое время слыл лучшим острословом двора, да и мечом владел весьма хорошо, так что спуску нахамам не давал.

Принц благосклонно принял наставника и выделил в своем плотном расписании время для бесед – обсуждений внешней и внутренней политики королевства. Мэтр, в свою очередь пораженный наблюдательностью и аналитическими способностями принца, при личной встрече убеждал короля непременно использовать таланты принца. Понемногу вводить его в игры на политической арене.

Король отмалчивался, зато к совету прислушалась королева-мать: однажды серым дождливым днем в малый дворец прибыла высокая сухопарая дама очень строгой наружности. Ее седые волосы, уложенные в высокую прическу, сияли в свете свечей. Тонкие руки затянутые в перчатки сжимали в руках веер точно оружие. Она представилась как ее сиятельство герцогиня Плимсток и сообщила принцу, что отныне она официальная хозяйка его двора. Конечно же только до

появления законной супруги.

Принц прищурил черные глаза, прочел свиток с личной печатью королевы и предложил госпоже Хозяйке Двора самой выбрать себе покои по вкусу.

Леди Фин, она же герцогиня Плимсток, жест оценила, и с той поры принц был в курсе всех сплетен брачного рынка. А так же получал в любой момент полнейшую информацию о любом аристократическом доме королевства с указанием всех наград и прегрешений.

Постепенно вечерние чаепития и беседы с этой дамой стали изрядной отдушиной в его непростой ученической жизни.

Королева-мать навещала сына в эти годы чуть чаще – примерно раз в месяц. Она так радовалась переменам, произошедшим в нем, что вновь стала улыбаться и танцевать на балах. Король с удивлением вспомнил, что его супруга еще в общем-то очень молода, ей едва исполнилось тридцать шесть лет! И она вполне способна на маленькие безумства, если уверена в благополучии своей семьи.

Глава 6

Почтительный сын – это тот, кто огорчает отца и мать разве что своей болезнью.
Конфуций

Тарис

Сегодня меня представят ко Двору. Хотелось хмыкнуть и скорчить скептическую физиономию зеркалу – здесь мне явно не рады – но нельзя. Рядом хлопочет портной, расправляя невидимые складочки на парадном камзоле.

Два года назад я впервые почувствовал себя живым. О, это была эйфория! Я не мог поверить, что двигаюсь, ем, сплю без боязни задохнуться во сне.

Я выходил на солнце и, стоял, зажмурившись, ощущая его тепло на своих щеках. Босиком бродил по чистому дну ручья и не выходил на берег, пока не синели губы. А потом вместе с лекарем восторженно слушал свой пульс.

А дождь! Теперь он не сулил мне боль и ломоту в суставах. Теперь я бегал по теплым лужам и умывался его струями, не боясь простуд. А однажды, схватив топор для колки дров, я поранил руку и, замерев, смотрел на алую кровь, стекающую по бледной коже, пока не прибежал Надир. Лекарь, ругаясь, наложил повязку, а у меня в душе царил восторг! Я жив!

Потом пришел страх – а вдруг мне только показалось, что

я выздоравливаю? А вдруг это просто сон, вызванный успокаивающими микстурами? Но вокруг меня стали появляться новые люди, а потом отец прислал учителей, и вот тут я застонал.

Это лето мне запомнилось надолго! Я едва научился ходить и первые дни после каждого обеда покрывался липким потом, задыхаясь от усталости. Здоровое сердце не могло само по себе укрепить мои слабые мышцы. Нужно было сначала долго и упорно ходить, потом плавать, а потом и бегать.

Затем мэтр Биггли начал показывать мне первые движения с оружием – стойку, поклон, выпад. А мэтр Танпю превращал мои руки и ноги в нечто, способное совершать изящные повороты и жесты.

Больше всех мучился учитель чистописания, мэтр Брилло. После фехтования и танцев руки дрожали и не желали держать перо. Но понемногу дело двигалось. О, моя первая мазурка со стулом вместо дамы! Или вполне смертельный удар, нанесенный горшку, надетому на старые вилы! Первое самостоятельное письмо я написал маме, больше было просто некому. Кажется, этот кусочек бумаги наделал в Большом дворце больше шума, чем известие о моем рождении!

...Жизнь – как бал:

Кружишься – весело: кругом все светло, ясно...

Вернулся лишь домой, наряд измятый снял —

И все забыл, и только что устал.

Михаил Юрьевич Лермонтов

И вот теперь я стоял у зеркала, а придворный портной одергивал полы роскошного камзола геральдических цветов: золотого и синего.

За дверями толпились и шумели прочие участники веселья: молодые дворяне, желающие места при моем дворе. Юные кокетки, мечтающие стать если не супругой, так фавориткой. Их маменьки, заранее закатившие глаза и договорившиеся о всемерной поддержке юных дарований. Прочие родственники, мечтающие получить протекцию, благодаря румяным щечкам и блестящим глазкам записных скромниц или мнимому родству с моими верными няньками и слугами.

Очутившись в круговерти двора, я не сразу начал понимать свое положение. Неожиданно выздоровевший принц потеснил потенциальных наследников, которые уже толпились у трона в надежде сыскать благосклонность короля.

Постоянные фавориты, расписанные должности и привилегии – вдруг вся сложившаяся за полтора десятилетия система пошатнулась от одного моего появления.

Наконец портной отошел, а я с грустью вспомнил попытку достойной герцогини Плимсток объяснить мне взаимоотношения между мужчинами и женщинами при дворе моего отца:

– Традиционно, Ваше Высочество, король имеет право

выбирать себе фаворитов как мужского, так и женского пола. Фаворитка не обязательно любовница, а фаворит не всегда друг.

Я задумался, леди меня не торопила, делая вид, что любит садом.

– Простите, герцогиня, – мне пришлось сообразить, для чего заведен такой разговор: – а кто является фаворитом моего отца?

– Правильный вопрос, Ваше Высочество, – леди Фин поощрительно улыбнулась и отпила глоточек чаю из расписной чашечки, – фаворитом числится герцог Ноутфолк.

– А является? – осваиваясь с недомолвками, я сделал вид, что равнодушен и подхватил с блюда воздушное пирожное.

– А является его кузен, граф Даджес, – припечатала моя собеседница и красиво подняла брови, поощряя следующие вопросы.

Сад несомненно был прекрасен, а еще он давал повод скрыть нашу беседу от излишне любопытных слуг:

– Чем же граф так привлек внимание Его Величества? – вопрос был задан небрежно, между кусочком марципана и ложечкой сиропа.

Леди Фин немного наклонила голову над чашкой, став похожей на очень чопорную птицу:

– Граф Даджес отличный инженер, – заметив мое изумление, леди пояснила подробнее: – Именно под его руководством строятся крепости на границе. Он нужен стране, но на

светские обязанности у него нет времени.

– Поэтому почести получает кузен, – я кивнул, показывая понимание, – а граф?

– А граф получает деньги и возможность не думать о семье: его сыновья служат при дворе, а дочери взяты младшими фрейлинами к Ее Величеству.

– Получается, Его Величество вознаграждает людей полезных стране тем, что терпит возле себя их не слишком умных и дальновидных родственников и отпрысков? – подытожил я.

– Все верно, Ваше Высочество – в этом заключается часть бремени государя, – порой леди Фин была немногословна.

Мы еще несколько раз возвращались к этой теме в беседах с герцогиней, это дама была настоящим талантом, умея объяснить сложные с виду обязанности и церемонии простой практичностью.

Однажды, накануне моего восемнадцатилетия, герцогиня Плимсток спросила меня:

– Принц, ко мне в гости хотят приехать племянницы, вы позволите представить их вам?

Сначала я удивился: леди Фин, будучи хозяйкой моего двора, могла приглашать в гости кого угодно, благо, во дворце хватало свободных покоев. Но меня остановила легкая улыбка, блуждающая на губах леди. Поразмыслив, я вспомнил, что она единственный ребенок в семье, доживший до брачного возраста. А это значит, что племянниц как таковых

быть у нее не могло.

Тут же со скрипом я припомнил, что «племянницами» именовались претендентки в любовницы или фаворитки. Выходит, мне предлагают женское общество? И в какой мере?

Сделать лицо непроницаемым я не успел: герцогиня указала взглядом на веер с вензелем королевы. Так это распоряжение моей матери?

Стараясь выиграть время, я отошел к окну и выглянул на лужайку: повсюду лежал снег. Прошло уже четыре месяца с тех пор, как силы вернулись ко мне, кровь бурлила в жилах.

Что ж, значит, решено:

– Представьте мне ваших гостей за ужином, сударыня, – дозволил я. – Мне будет чрезвычайно интересно познакомиться с вашими прелестными родственницами.

Герцогиня присела в реверансе и ушла, явно спеша предупредить подопечных. А я пошел в библиотеку. Когда-то летний дворец был местом праздников и развлечений. За годы жизни здесь я не мог не заметить полок с сентиментальными и рыцарскими романами, любовными поэмами и прочей развлекательной литературой. Но доктор считал, что волноваться мне вредно, а сильные эмоции могут вызвать приступ, и потому ничего из развлекательных книг мне не читали.

Глава 7

*Если вы хотите иметь то, что никогда не имели,
вам придётся делать то, что никогда не делали.*

Коко Шанель

Тарис

Теперь же я сам подошел к этим полкам и задумчиво пробежался пальцами по корешкам: стихи, романы, пьесы... Что же поможет мне больше узнать о взаимоотношениях мужчины и женщины? В углу раздалось легкое покашливание. Обернувшись, я увидел невысокого молодого человека в просторной докторской мантии:

– Простите, что помешал, Ваше Высочество, – незнакомец поклонился, – доктор Люциус к вашим услугам!

– Люциус? – уточнил я, имя выдавало в докторе дворянина.

– Младший сын барона Войнэ, – молодой человек еще раз поклонился.

Неожиданно я решил, что этот юноша, всего лет на пять – шесть старше меня, может мне помочь.

– Я рад, что встретил вас, Люциус, – приятное лицо доктора располагало к откровенности, – Помогите мне в одном щекотливом деле.

– Я весь внимание, Ваше Высочество! – еще один поклон.

Что ж, рискну, барон Люциус производит хорошее впечатление:

– Как вы знаете, много лет я был болен и жил весьма уединенно.

Один взгляд на замершего доктора подтвердил мою правоту – его лицо не выражало жадного любопытства, скорее легкий интерес и внимание. Я решил, что могу продолжить.

– Мне нужна книга о женщинах. Точнее о том, чем они отличаются от мужчин, – кажется, закончив говорить, я слегка покраснел.

Но доктор не обратил на это внимания и к полкам с романами не подошел:

– Я понимаю ваши затруднения, Ваше Высочество. Здесь есть несколько подходящих книг, – покопавшись на полках, сын барона Войнэ выложил на стол три томика в разных обложках.

– Вот это книга о строении тел. Здесь в гравюрах показана разница между мужчинами и женщинами, к тому же рассказано о некоторых особенностях, связанных с деторождением.

Книга выглядела новенькой, простая коричневая обложка без тиснения и позолоты укрывала целый набор довольно пугающих на мой взгляд иллюстраций. Не думал, что различия столь необычны!

– В этой книге, – доктор Люциус взял довольно тонкую

книжицу, в обложке из пестрого шелка, – написаны правила фривольного этикета. Она довольно забавна и может вам помочь отнестись к любой ситуации с юмором.

Цветной шелк носил на себе следы рук, а страницы имели множество «ослиных ушей»[1], должно быть, она действительно не раз снималась с полки!

– А эту книгу старательно изучают все молодые люди нашего королевства, желающие прослыть любезными кавалерами. Текста здесь очень мало, но иллюстрации весьма выразительны.

Мне показалось, или Люциус слегка смутился?

– Спасибо, доктор, – я почувствовал облегчение. Меня поняли, не обсмеяли и нашли возможность помочь. – Приглашаю вас сегодня присоединиться к ужину в малой столовой.

– Благодарю Вас, Ваше Высочество, – доктор поклонился учтиво, но без подобострастия.

Это мне очень понравилось. Кажется, у меня тоже появился фаворит.

Глава 8

И на что же, если подумать, уходили до сих пор ее силы? Она старалась, чтобы все в жизни шло привычным образом. Она пожертвовала многими своими желаниями ради того, чтобы родители продолжали любить ее, как любили в детстве, хотя и знала, что подлинная любовь меняется со временем, растет, открывая новые способы самовыражения.

Пауло Коэльо

Этель

Я не скоро смогла встать с постели. Несколько месяцев пролежала, глядя в окно на серую катящуюся воду. Но однажды солнечным днем море вдруг заиграло глубокой синью, под окном запели птицы, а мэтр Майос вместе с мамой вывели меня на пляж.

Как здесь было красиво! Огромные, окатанные морем валуны защищали кусочек пляжа от ветра. Песок, камни и поломанные ракушки покрывали берег. Я глубоко вдыхала соленый морской воздух и улыбалась. Мама и мэтр Майос улыбались тоже.

– Думаю, сударыня, – обратился мэтр к маме, – теперь ваша красавица пойдет на поправку. Морской воздух и солнце победили болезнь.

Сначала от слабости кружилась голова, и каждый шаг давался с усилием, но потом я смогла ходить свободно, стала помогать маме по дому. Когда она уходила в ближайший большой дом на работу, я водилась с братиком, подметала пол, кормила кур. Если на улице было светло, читала книги, которые мне приносил мэтр Майос, а если на море был штиль – ходила гулять на берег.

Для прогулки мы с братом выбирали самый безлюдный участок каменистого пляжа, но многие приезжие искали уединения, и частенько замечали нас на берегу. Иногда эти люди подходили, чтобы поговорить, удивлялись моей правильной речи, даже переспрашивали, правда ли, что отец плотник, а мама приходящая прислуга. Порой после беседы нам давали монетки или угощали жареными орешками и карамельными птичками на тонких лучинках. Но мама ругала и запрещала брать «подачки»:

– Мы живем своим трудом, не стоит вам бродить среди этих людей, не все из них добрые, – приговаривала она, накрывая вечером на стол.

Отец приходил из мастерской, в которой работал, мыл руки, отряхивал с одежды стружки и говорил точно так же:

– От этих людей лучше держаться подальше, – но ничего не объяснял. Лишь поздно вечером шептал на ухо маме, что в квартале горшечников снова пропала молодая девушка, а у трактира неизвестные избили двух подмастерьев, и теперь их семьям придется туго.

Домик, купленный папой, стоял близко к берегу. Вокруг тянулись высокими заборами сады состоятельных жителей, которые считали ниже своего достоинства общаться с семьей простого плотника. Наверное, поэтому у нас с братом не было друзей. Мама вначале печалилась, что не с кем поговорить, а потом подружилась с экономкой одного из особняков, и стала ходить туда на поденную работу. Сидеть дома ей было скучно. Я же прихватывала братика платком к поясу и шла к доктору.

Малыш Киран играл в саду или в кухне, а мне позволялось тихо сидеть в кабинете, слушать и потихонечку учиться. Через годик доктор доверил мне подавать инструменты и корпию, потом позволил накладывать мази, протирать раны травяными отварами и закапывать лекарства из длинной пипетки в носы, уши и глаза.

Однажды мэтр Майос пришел к нам в дом и долго разговаривал с родителями: с осени я ходила в бесплатную храмовую школу, а он хотел, чтобы меня учили как дочку богатых родителей. Отец, гоняя желваки, сказал, что таких денег у него нет, но доктор, прикрываясь обещанием взять меня в помощницы, сказал, что оплатит учебу и все необходимое.

– Ваша девочка очень чуткая, у нее сильные, ловкие руки, возможно, она станет акушеркой, и будет зарабатывать еще больше, чем вы сами! – убеждал пожилой лекарь, истратив на уговоры последние силы.

Такой аргумент отец понял, он сам платил повивальной

бабке немалые деньги каждый раз, как мама рожала, потому согласился.

Глава 9

– Надеюсь, Фрекен Бок, вы любите детей, да?

– Как вам сказать?.. Безумно!

М-ф 'Карлсон, который живет на крыше'

Для меня перемена школы значила очень много.

В храмовой школе дети собирались на рассвете, пока не жарко. Болтая и перебрасываясь приветствиями, усаживались на тростниковые циновки, расстеленные во дворе, в тени длинной храмовой галереи.

По удару гонга выходила дежурная сестра, повязанная белым платком. Самых маленьких детей учили читать и писать. Буквы были написаны яркой киноварью на отшлифованных деревянных дощечках, покрытых лаком.

Подняв дощечку с буквой, сестра громко называла ее, а малыши хором повторяли. Если дежурила молоденькая сестра Ганна, то во время занятия можно было поиграть в угадайку, а если суровая сестра Трана – буквы зубрились до одурения. Через три – четыре занятия начинали проговаривать слоги, потом слова.

В углу двора, прямо на земле, дети постарше могли читать азбуку, сделанную из тонких деревянных дощечек, или написанную на толстых кожаных листах. У некоторых была своя азбука, напечатанная на бумаге.

Счету учили на камушках, на пальцах, на мешках зерна и корзинах с яблоками. Причем иногда эти корзины нужно было перетаскать в храмовый подвал или на кухню.

В те дни, когда шел дождь, занятия переносились в здание храма. Тогда голоса становились тише, сестры строже, а иногда заглядывал и старший жрец.

Мы любили старшего жреца, он был уже очень стар. Ходил опираясь на палочку, но относился ко всем очень ласково. Даже ворчливая сестра Трана в его присутствии смягчалась, и охотно слушала те удивительные истории, которыми он нас баловал.

В платной школе все было иначе. В гулком вестибюле нас встретила строгая дама с поджатыми губами и безупречной прической. Она холодно взглянула на меня немного выпуклыми глазами и процедила:

– Только из уважения к вам, доктор Майос, мы возьмем это дитя на обучение.

Доктор поклонился:

– Благодарю вас, леди Вайнон. Ваше милосердие не знает границ.

Впоследствии леди Вайнон вела у нас этикет, и не было в школе наставницы более строгой и жестокой.

Дежурная сестра, которая вела занятия у старших, начинала урок с молитвы, а потом просто рассказывала нам что-нибудь интересное об устройстве мира. Изредка она приносила на урок большую книгу с картинками и давала нам ее

читать.

Или писала на аспидной доске простую задачку про мешки крупы или тюки полотна, а мы решали ее на своих досках. Однажды девочка рядом заплакала, потому что не знала, сколько это: мешок крупы, но сестра перевела ей количество мешков в яблоки и задачка решилась.

Писали в храмовой школе палочками на земле. Мало у кого были аспидная доска и мел, а уж тетради и перья казались нам принадлежностью кого-то важного. Например секретаря, работавшего в ратуше, или доктора.

В платной школе ласково относились только к самым знатым и богатым девочкам. Я должна была читать и писать без единой ошибки, тогда как леди Азилия могла спокойно закапать чернилами весь лист и просто выдрать его из розовой, надушенной тетради.

Пока я болела, мама каждый день читала мне большую толстую книгу сказок, которая досталась ей от бабушки, а еще учила меня читать, считать и писать, так что в храмовой школе мне было легко. И я успевала помочь с решением задачки соседям по циновке.

В дорогой школе все изменилось: решив задачу или переписав текст, я должна была предъявить результат своего труда строгой даме преподавательнице, и получить за работу балл. Каждая оценка вносилась в тетрадь и по ним выбиралась лучшая ученица класса.

На следующий день после разговора с отцом доктор

Майос взял с собой свою экономку, и мы пошли в магазин. Там все сверкало полированным деревом, а прямо в центре комнаты стояло огромное зеркало, в котором можно было себя увидеть с ног до головы.

Я выглядела в этом зеркале очень маленькой и очень некрасивой. Доктор поговорил о чем-то с высокой и очень красивой дамой в синем платье с белоснежным кружевным воротничком. Дама смерила меня взглядом, а потом кивнула и доктор ушел, оставив меня вместе с мистрис Эко и красивой дамой.

Вдвоем они меня всю обмерили, и даже обвели на листочек бумаги ногу. Потом дама и мистрис Эко обсуждали ткани и фасоны, а мне стало скучно и я уселась в уголок и стала искать фею.

Я верила всей полнотой своей детской души, что наш мир населен феями, просто они такие хрупкие и нежные, что не каждый может их даже увидеть. А уж поймать спящую фею, и попросить ее о выполнении заветного желания и во все нереально. Но мне так хотелось хотя бы посмотреть на радужные крылышки!

Поэтому я заглядывала во все цветы, забытые книги и темные уголки, а еще иногда оставляла в траве «колыбельки» из мягких листьев и перышек, в надежде, что фее понравится такое убежище.

Так что разговоров мистрис Эко и портнихи я не слушала, и сидела смирно, чего им и хотелось.

– Какой смирный ребенок, – заметила дама, убедившись, что я не ломаю тайком позолоченную резьбу.

– Да, хорошая девчушка, – кивнула экономка и они вновь углубились в обсуждение, а мне показалось, что над их головами мелькнуло золотом невесомое крыло.

Глава 9

*Если запастись терпением и проявить старание,
то посеянные семена знания непременно дадут
добрые всходы. Ученья корень горек, да плод сладок.
Леонардо да Винчи*

Тарис

Ужин прошел весьма любопытно: я успел просмотреть лишь первую из предложенных доктором Люциусом книг, а потому, глядя на трех прелестных девушек, блондинку, брюнетку и рыжую, пытался сравнить виденные в книге гравюры с живыми женскими телами.

Особенно интересно было рассмотреть грудь – я никогда не видел женщин обнаженными, а у этих красоток декольте превосходили все разумные пределы. Но, кажется, девушки приняли мой интерес за знак внимания, а потому принялись нервно хихикать, и получили строгое замечание от леди Фин.

С той поры, как я поправился, для меня стало болезненным удовольствием наблюдение за людьми – я мало их видел в своей прежней жизни. Теперь не каждая женщина могла выдержать мой пристальный взгляд, да и мужчины частенько терялись.

Устав проводить сравнительный анализ, я обратил внима-

ния на меню ужина: особыми изысками мой каждодневный стол не блистал, однако все кушанья были свежими и очень питательными.

Надир продолжал следить за работой кухни и периодически потчевал меня странными смесями из яиц, молока и масла с добавлением трав, пряностей и порошков, поясняя, что их задача вызвать лучший рост и аппетит. Почти все эти тоники отлично удобряли клумбы, а некоторые расставались с жизнью в умывальнике.

Сегодня же я отметил на столе несколько блюд, явно приготовленных для вновь прибывших гостей. Золотые блюда и сотейники с гербами стояли в центре стола и подавляли своим видом. Сами кушанья совершенно не вызывали желания их попробовать, однако девушки поглядывали на деликатесы с нездоровым оживлением.

Я с удивлением наблюдал, как симпатичная брюнетка, леди Ирис, подцепляет ложечкой нечто зеленое, даже на вид скользкое и дрожащее. Мило строя глазки, девушка отправила зеленую амебу в рот, едва не закатывая глаза от удовольствия.

Ее соседка напротив, рыжеволосая и зеленоглазая леди Роуз, недрогнувшей рукой крошила на тарелку нечто, напоминающее жмых, которым прикармливали тяжеловозов. Мой аппетит не выдержал этого зрелища, глядя в свою тарелку, я выпил куриный бульон с ломтиком яйца-пашот и съел пару пирожков с паштетом.

Разговор за столом не клеился: леди Фин предпочитала молча бросать строгие взгляды, доктор Люциус старательно ел, а получивший возможность расслабиться Надир масляными глазками поглядывал на «племянниц». Еще за столом, как обычно, присутствовали мэтр Лайон и комендант дворца лорд Вайрон, но и они больше уделяли внимания еде, чем очаровательным девушкам.

Устав улыбаться, болтать и строить глазки, «племянницы» переключили все внимание на запеченный телячий бок и дали возможность поесть остальным.

Глава 10

Природа сказала женщине: будь прекрасной, если можешь, мудрой, если хочешь, но благоразумной ты должна быть непременно.

Пьер Огюстен Бомарше

Тарис

После ужина девушки решили продемонстрировать свои таланты, и потянули меня в музыкальную комнату. В этом помещении я еще не бывал: танцы изучались в бальном зале. Туда же приходили музыканты. А во время болезни музыки я не слышал, лишь изредка, когда мне становилось хуже, Надир возжигал свои курения и тихо – тихо дул в свирель, помогая забыться.

Блондинка, представленная как леди Виола, немедленно уселась за клавесин, и заиграла что-то бравурное, ударившее по ушам. При этом она бросала на меня игривые взгляды, словно ожидая одобрения. Я растерялся, но доктор Люциус, сделав вид, что перебирает ноты на пюпитре, шепнул:

– Леди исполняет модную песенку, которая называется «Полюби меня», и если вы одобрите ее исполнение, ночью придет в вашу спальню.

Меня слегка передернуло, и я вежливо сказал «племяннице»:

– Благодарим вас, леди. Позвольте же и вашим подругам

показать свое искусство!

Блондинка нахмурила светлые бровки, но все же оставила инструмент в покое. Рыжеволосая леди Роуз, очевидно, поняв, что резкие звуки меня раздражают, запела негромким приятным голосом балладу, текст которой мне читали довольно давно. Увы, в ее исполнении отсутствовали сразу два куплета, некоторые слова звучали иначе, а потому к концу песни я снова рассердился.

Леди Ирис выбрала свирель, и сыграла песенку-перекличку, простую и незатейливую, но абсолютно верно. Я наконец расслабился и даже улыбнулся. Леди Фин это заметила и предложила всем немного погулять в зимнем саду.

Девушки согласились, мужчины предложили дамам руки. Ко мне несмело подошла леди Ирис, направленная толчком леди Фин. Я, вспомнив правила этикета, галантно предложил опереться на мою руку и повел ее к выходу.

Гуляли мы очень странно: все разошлись по дорожкам и сложившиеся пары не встречались, доктора Люциуса увлекла к кадкам с пальмами леди Фин, а моя спутница в отсутствие своей опекунши превратилась в робкую, даже застенчивую девушку.

Мы молча бродили с ней по дорожкам, вдыхая густой, влажный воздух, от которого кружилась голова, не обращая внимания на растения в кадках и вазонах, пока не пришли в милый уголок, огороженный со всех сторон лимонами. Тут стояла скамейка и я, тая вздох облегчения, опустил на нее.

Ирис тут же огляделась и шепотом попросила:

– Ваше Высочество, вы не могли бы меня поцеловать?

Ее медовые глаза смотрели на меня с надеждой и мольбой.

– Поцеловать? Зачем? – мое недоумение весьма огорчило леди.

Она мучительно покраснела, и прошептала еще тише:

– Так надо. Леди Фин сказала, что если мы вам понравимся и вы уделите нам свое внимание, то долг быстро простят, а моим сестрам найдут хороших мужей.

Я озадачился, но в голове, которая все реже казнила болью, уже забегали мысли, выстраивая схему. Очевидно, ма-тушка или отец обеспокоились тем, что я был лишен женского внимания довольно долгое время. Но предлагать мне общение со светскими красотками не решились. Опыта дворцовой жизни у меня маловато, могу и влюбиться, и натворить глупостей, опасных для короны.

Простые девушки-служанки или горничные тоже не подошли: не хватает такта и воспитания, кто остается? Знатные сироты, либо дочери должников и преступников. Их проще уговорить, проверить на болезни и, в случае зачатия ребенка, бастард будет расти под опекой короля.

Все это я обдумал почти мгновенно, давая девушке знак сесть рядом. Потом, обняв ее не слишком ловко и, сделав вид, что шепчу на ушко любезности, тихонько спросил:

– А как тебя зовут на самом деле?

Брюнетка вздрогнула, зябко повела обнаженными плеча-

ми, потом подняла на меня свои красивые глаза и прошептала:

– Л-леди Беатрикс Боулз.

– Твой отец проиграл все состояние на скачках, или украл что-то из казны? – боюсь, мною двигало только любопытство.

– П-проиграл, – девушка судорожно всхлипнула и спрятала лицо на рукаве моего камзола. Это вызвало в груди необычно теплое чувство – впервые кто-то ищет защиты не от меня, а у меня.

– А я тебе нравлюсь? – я пытался отыскать под черными кудрями лицо, но она упорно отворачивалась.

– Вы добрый, – девушка продолжала говорить очень тихо, но я слышал каждое слово, – у нас говорили, что принц чудовище, которое скрывают в башне, и кормят человечинной.

Я грустно рассмеялся: мэтр Байбю, недавно приставленный ко мне секретарь, регулярно докладывал мне сплетни и слухи, связанные с моим выздоровлением. Нечто подобное я уже читал в его бумагах, но когда такое говорит милая девушка на первом свидании, это сковывает.

Нужно сменить тему!

– А у тебя уже был возлюбленный?

Я не знал, что еще спросить и использовал слово из старинных баллад, но девушка меня поняла и кивнула:

– Был жених. Когда отец все потерял, он перестал приезжать.

В ее голосе было понимание и прощение, а вот я мысленно возмутился быстрой капитуляцией жениха. Но любознательность и просмотренные перед ужином книги толкали меня дальше:

– А ты с ним целовалась?

Девушка опять чуть покраснела:

– Да.

– И как это? – мне действительно было интересно, я стремился расширить свои знания. Например, за последние минуты я выяснил, что женщины на ощупь гораздо мягче мужчин.

– Это не рассказать, – Беатрикс потупилась, а потом вскинула голову, – это можно показать, только я боюсь.

– Не бойся, я не кусаюсь и человечину не ем. – Я слегка усмехнулся, вызывая ответную улыбку. – Просто долго болел, поэтому такой худой. Покажешь?

Девушка кивнула, поерзала на скамье, и сказал:

– Для поцелуя нужно быть ближе друг к другу, – потупилась и добавила: – еще можно держаться за руки или обниматься.

Мы придвинулись, но ее пышные юбки топорщились, так что мы все равно были далеко друг от друга. Взяв ее холодные ладошки в свои, я в очередной раз удивился их нежности и хрупкости. Потом мы потянулись друг к другу, и Беатрикс прижалась губами к моим губам, а потом отпрянула, так быстро, что я не успел ничего понять:

– И все? – разочарование явно выразилось в моем тоне.

– Не совсем, – девушка опять потупилась. – Еще можно облизнуть губы, погладить их языком и можно покусывать губы друг друга.

– Вот так? – я склонился к ней и просто попытался сделать то, что она сказала, провести кончиком языка по ее сомкнутым губам.

Беатрикс ахнула от неожиданности, а изнутри ее губы оказались такими нежными, что я в восторге погладил эту нежность языком. А потом ощутил, что она мне отвечает! Так же тянется ко мне кончиком языка, маленькие руки уже гладят мои плечи, мои пальцы сжимают что-то восхитительно мягкое и уступчивое.

Оторвались мы друг от друга, только услышав звонкий смех леди Фин. Моя рубашка оказалась расшнурованной, волосы взлохмачены, а так интересующая меня женская грудь лежала в моих ладонях. Расставаться с таким щедрым даром мне не хотелось. Поправив одежду, мы посмотрели друг на друга и прыснули! Наверное, именно тогда и началась наша дружба: чудовища и брошенной невесты.

Леди Фин хватило одного взгляда на нас, чтобы все понять. Поэтому «леди Роуз» и «леди Виола» тут же были отправлены спать. Беатрикс ушла готовиться ко сну в обществе самой герцогини Плимсток.

И хотя уже в эту ночь «леди Ирис» провела в моей спальне и даже в моей кровати, любовниками мы стали значительно

позднее. Я не хотел торопить события, а Беатрикс все еще переживала разрыв с женихом. Ночью мы целовались, прикасались друг к другу, стискивали руки под одеялом и распускали завязки одежды.

Днем разговаривали, вместе прочитали книжки, рекомендованные доктором Люциусом, много смеялись. Вообще общество Беатрикс очень помогло мне разобраться в непонятных для меня исторических и политических коллизиях. Она рассказывала мне о своей семье, напевала песенки, принятые среди крестьян и фермеров. А однажды, подобрав юбки, пошла сама собирать в саду яблоки. Потом мы ели хрустящие плоды, полные летнего солнца. Я целовал ее пальцы, вымазанные сладким соком, а она краснела и подставляла моим губам чувствительные ладони. Это были счастливые дни.

Глава 11

Под именем нравственности мы разумеем не только внешние приличия, но всю внутреннюю основу побуждений.

Я. Коменский

Этель.

Позднее доктор Майос, посмеиваясь, рассказал мне, что ему пришлось выслушать от «почтенных дам» его улицы и постоянных клиенток множество намеков. Сплетницы тонко указывали на его увлечение молоденькими девочками. Шутили, закатывая глаза, о воспитании послушной супруги с колыбели, и прочем.

При том, что доктор был бездетен, вдов, и вся улица знала, что мистрис Эко служит у него не только экономкой. Доктор сердился, топорща усы, обзывал «почтенных дам» глупыми курицами и старался не оставаться со мной наедине даже в собственном доме.

А уж как изобретательны были ученицы престижной школы, в которую я теперь ходила! Самое мягкое их обвинение звучало как «побирушка».

Наученные своими матерями, девочки подстраивали мне неприятности, заливали чернилами тетради с домашними заданиями, дергали за косы, распуская белые шелковые банты. Тыкали пальцами и хихикали, увидев аккуратную штоп-

ку на чулке или подклеенную обложку растерзанной ими накануне книги.

Я терпела, не позволяла себе огорчаться: училась на «отлично», много помогала доктору на приеме, даже спать ложилась с анатомическим атласом под подушкой.

Тарис

Та зима, проведенная в объятиях Беатрикс, теперь кажется сказкой. Я учился жить заново: не просто читать о веселье, праздниках и танцах, а самому вести даму, смеяться и пить кисленькое молодое вино. Каждый день приносил новые ощущения, новые краски. Я познавал мир за пределами дворца и сам дворец становился другим.

В этом году впервые в летнем дворце отмечали праздник урожая.

В большом зале, украшенном яблоками, снопами и разноцветными лентами, собрались все слуги, стражники и придворные моего двора. Среди горничных мелькнуло смутно знакомое лицо, но я отвлекся, не успев вспомнить, при каких обстоятельствах видел эту женщину.

Под звуки рожков, флейт и барабанов внесли кашу, сваренную из всех злаков нового урожая, приправленную медом, свежими яблоками и изюмом.

По обычаю огромную расписную миску поставили передо мной и я, возблагодарив всех за труды, съел большую ложку удивительно вкусной каши и, завернув ложку в салфетку,

передал ее Беатрикс. Она так же съела порцию каши и передала ложку леди Фин. Праздничную кашу должны были попробовать все – от владельца дворца, до последнего повара на кухне.

Мне радостно было смотреть, как люди, искренне улыбаясь, передают друг другу с поклонами огромную, похожую на половник резную ложку, желают счастья и здоровья, обилия и долголетия. Как улыбаются друг другу старшая горничная и экономка, как повар зачерпывает ложку с горкой и отдает поваренку в длинном небеленом переднике. Кажется, это и есть праздник?

Пока все ели кашу, внесли пирог, испеченный очень хитро: тесто, раскатанное в узкие полоски, укладывалось «змейкой» на тонкую нижнюю корку, а между изгибами полос укладывалась самая разная начинка, отпряного мяса, до сладких ягод. Еще в складках прятались монеты, колечки и двенадцать маленьких фигурок, изображающих события в жизни человека от рождения до смерти.

Резать пирог было нельзя: каждый сам выбирал свою судьбу на следующий год, отламывая кусок, как ему хотелось. Потом по вкусу начинки и найденным предметам разгадывали предсказание.

До сего дня я только читал об этом. Слуги отмечали праздник урожая в кухне, солдаты – в казарме. Мне приносили немного угощений и я мог вдыхать их аромат, да изредка пробовать, если Надир разрешал.

Но в этом году честь отломить первый кусок предоставлялась мне. Я постарался скрыть волнение. Подойдя к огромному, размером со стол, затейливо украшенному блюду, мысленно вознес молитву и отломил здоровенный кусок с краю.

Одна половина моей судьбы сочилась ягодным вареньем, а в другой оказались ломти вяленого мяса, до горечи сдобренные хреном. Вздохнув, я откусил кусок горького, в надежде тут же заесть его сладким, и едва не сломал зуб: в тесте пряталась фигурка школяра с большой книгой в руках.

Беатрикс попался кусок с соленым сыром и сладкими яблоками, а в последнем ломтике обнаружилось золотое колечко на цепочке, девушка покраснела и спрятала подарок в кошелек на поясе.

– Что это означает? – спросил я.

– Так кольца носят любовницы, живущие в одном доме с мужчиной, – Беатрикс опустила голову, – чтобы их не путали с законными женами.

Я тихонько пожал ее руку, утешая. Мы оба знали, что нам недолго быть вместе, но это знание не защищало нас от боли, которую мы оба испытывали, думая о предстоящем расставании.

Закончился праздник веселыми играми и танцами. Беатрикс, забыв про печали, утянула меня в круг. И хоть танцевал я еще очень плохо, мне понравилось. Было так необычно стоять среди других людей, касаться их рук и спин, слышать

шумное дыхание и вдыхать запахи чистой одежды и свежего пота. Увы, у меня быстро закружилась голова, и я вернулся в свое кресло.

Тут же ко мне подсела леди Фин и, глядя на танцующих, произнесла:

– Вам нравится праздник, Ваше Высочество?

– Да, леди Фин, вашими стараниями он стал еще чудеснее.

Достойная дама величественно кивнула и поинтересовалась:

– Вы позволите остаться леди Виоле и леди Роуз?

Мне пришлось поразмыслить. Леди благоразумно старались не попадаться мне на глаза, так что я не замечал их присутствия. Помня о том, что они из небогатых или опальных семей, я вынес решение:

– Если леди найдут здесь свое счастье, я буду рад, но не будет ли это проблемой для вас, леди Фин?

Герцогиня сделала вид, что задумалась. Наверняка одна из девушек чем-то обязана лично ей, да и две другие успели приобрести недругов и покровителей при дворе.

– Три знатные молодые девушки, несомненно, украсят ваш двор, Ваше Высочество. Но если вы опасаетесь женских капризов и ссор, будет лучше вознаградить их, выдав замуж за верных вам людей.

Я оказался пред непростым выбором. В хрониках частенько встречалась именно такая форма награды от сюзерена: выгодный брак. Но кого я могу наградить дочерьми пре-

ступников и должников?

В конце концов я напрямую спросил у леди Фин совета. Она сказала мне, что леди Роуз понравилась доктору Люциусу, а леди Виола очаровала гвардейца, стоящего в карауле у женского крыла.

Я поблагодарил герцогиню за совет и подсказку назначить девушкам приданое, а потом решил уточнить:

– Леди Фин, а как вы догадались, что мужчины симпатизируют именно этим девушкам?

– Очень просто, мой принц, – герцогиня указала взглядом на доктора Люциуса, выплясывающего с рыжеволосой леди Роуз бергамаль¹. – Девушки прибыли сюда недавно, и невольно ищут защиты и покровительства, но леди Виола в первый же день отшатнулась от одного из гвардейцев.

– Бойтся крупных мужчин? – полюбопытствовал я.

– Не думаю, просто не ее тип, – ответила герцогиня, – зато на следующий день мило болтала с его сменщиком, и даже попросила его защелкнуть тугую пряжку на тужельке. А теперь, как видите, позволяет ему гораздо больше, чем принято приличиями.

Я всмотрелся в толпу: действительно, раскрасневшаяся блондинка стояла слишком близко к высокому шатену – гвардейцу. Герцогиня несомненно права.

– А леди Роуз?

– Она очень живая и шустрая, а доктор Люциус не сводит

¹ Бергамаска (итал. bergamasca; – старинный итальянский танец

с нее глаз, посмотрите, как она крутится перед ним.

– Верно. Благодарю вас, леди Фин, завтра после обеда я сообщу вам о принятом решении.

Герцогиня склонила голову и подозрительно посмотрела на свой кусочек пирога. Ей попалась невероятная смесь из орехов, фруктов и самого простецкого ревеня, а на краю тарелки лежало маленькое каменное сердечко, означавшее появление истинных чувств. Я едва сдержал улыбку, глядя, как леди Фин косится на символ искренней любви, точно на неприятного незнакомца.

Потом Беатрикс снова потянула меня танцевать и мы веселились до тех пор, пока свечи окончательно не расплавились. А закончили ночь в моих покоях, валяясь на широченной кровати и попивая легкое вино, которое Надир мне разрешил и даже рекомендовал.

Глава 12

Есть два важных выбора в жизни: принять обстоятельства такими, какие они есть, или принять на себя ответственность по их изменению.
Неизвестный автор

Этель

Зима на побережье – время тихое и скучное: разъезжаются знатные бездельники из столицы, манерные дамы и ворчливые старухи. Улицы пустеют: унылые дожди и холодный ветер загоняет всех по домам.

В школе та же грусть и пустота. Некоторых старших учениц матери забирают в столицу, чтобы представить ко двору. А кого-то увозят сразу замуж, предъявив директрисе пергамент с брачным контрактом.

Мне едва исполнилось двенадцать, и в этом возрасте я уже замечала в школе больше, чем полагалось девочке из небогатой семьи. Разговоры наставниц, записки, переданные через решетку забора и даже опий, накапанный однажды в стакан тоненькой и воздушной Виэлии, перед тем, как мать забрала ее в столицу.

Из года в год мокрая хмурая зима побережья заставляла меня мечтать о теплых, пронизанных солнцем аллеях королевского сада. Я вспоминала виноградные лозы и тощую фигуру в кресле с колесами. Но чем больше событий происхо-

дило в окружавшем меня мире, тем дальше становился тот сад. Воспоминания подергивались дымкой и таяли.

Я больше не искала фей в крупных цветах и темных углах старых домов. После учебы я шла домой, помогать матери и играть с младшим братом и сестрой. А летом работала в нашем небольшом огороде.

Доктор Майос ругался, говорил, что такие нежные маленькие ручки нужно беречь, и усаживал меня за книги до темноты, но возвратившись домой, даже в сумерках я принималась носить воду и поливать грядки. Беспощадное солнце могло выжечь все за несколько часов, а цены на рынке росли.

Зимой огородные дела отступали, зато у доктора становилось много серьезной работы: простуды, мигрени, застарелые боли в суставах. Те три часа, что доктор Майос проводил в городском госпитале еженедельно, стали растягиваться на целый день.

Иногда он брал меня с собой и к вечеру я выбиралась из сил, стараясь помочь рыбакам с распухшими руками и обветренными лицами, их женам и детям, захлебывающимся тяжелым кашлем, или страдающим от болей в натруженных руках.

За каждый день работы доктор платил мне большой серебряник, и потому мама и отец не возражали, что я провожу выходной вдали от них. К тому же доктор продолжал следить за тем, что бы мы ни на минуту не оставались наедине: сплетни с годами поутихли, но не стоило давать им новую

пищу.

Мистрис Эко, экономка доктора Майоса, не скрываясь носила на груди кольцо на цепочке. Она была одинока и положение невенчанной жены позволяло ей по закону надеяться на содержание и наследство.

Ко мне она относилась без особой ревности: то ли доктор с ней поговорил, то ли она до сих пор видела во мне ту тощую болезненную девчонку, которую однажды повела к модистке за школьным платьем, да так и водила с тех пор каждый год.

Именно мистрис Эко первая спросила меня о мальчиках, заметив, как я рассматриваю яркую картинку в витрине мужского ателье:

– А что, Эстелита, приходят ли к вам в школу молодые кавалеры? – мистрис Эко была родом из этого южного города, и частенько называла меня ласковыми именами, принятыми здесь.

– У нас бывают танцы с учениками из школы для мальчиков, два раза в месяц, – ответила я, – но они такие неуклюжие! И все время устраивают глупые шутки.

Я поморщилась, вспомнив устроенный сорванцами фонтан из лягушек, прямо посреди зала для танцев.

– И тебе никто не нравится? – мистрис Эко продолжала выяснять интересующий ее вопрос.

– Нет, – я покачала головой так, что белые шелковые банты задрожали. Мы шли с экономкой в лавку за мягким полотном для повязок. – Мне нужно учиться. Через три года я

смогу сдать экзамен на акушерку и открыть свой кабинет.

Мистрис покивала головой и оставила эту тему. Возможно, она и подозревала особую нежность доктора ко мне, но я была так далека от мыслей о мужчинах, что она успокоилась и продолжила опекать меня.

Глава 13

Только мужчина, уважающий женщину, может расстаться с ней, не унижая ее.
Сомерсет Моэм

Тарис

За неделю до представления меня двору, я расстался с Беатрикс.

К этому времени секретарь по моему повелению подобрал красивый просторный особняк на центральной улице ближайшего города. В банке давно был открыт счет на ее имя, и даже сундуки были упакованы.

Стоя перед зеркалом в новеньком камзоле, я вновь вспоминал ее закушенные губы и улыбку сквозь слезы. Беатрикс была умной женщиной и все понимала: официально признанный наследник не может появиться во дворце с фавориткой, ему предстоит политический брак. Но мне самому было трудно расстаться с ней, и прощание затянулось.

Криво усмехнувшись, я подошел к двери: один шаг, и передо мной новая жизнь, новый статус. Я новая фигура на политическом небосклоне, но кто сказал, что я не попытаюсь сыграть сам?

Не всякий брак – кандалы, иногда это только ошейник.

(Аврелий Марков)

Эстель

Примерно в тринадцать лет я начала обращать внимание на политические новости: доктор все чаще хмурился, просматривая за обедом желтоватый листок свежей газеты. А однажды отложил пачкающий руки краской сверток и сказал:

– Боюсь, покоя в нашем городке больше не будет. Наследник с супругой собираются провести здесь медовый месяц.

Я удивилась:

– Разве им плохо во дворце?

Доктор внимательно посмотрел на меня поверх очков и, убедившись, что я серьезна покачал головой:

– Так принято, Эстель. Молодожены проводят некоторое время сами по себе, и это совсем не плохо. Помнишь о влиянии внутренних жидкостей на самочувствие женщины?

Я закивала и процитировала кусок текста из учебника по медицине:

– Равновесие внутренних жидкостей дает равновесие во всем. Особенно трудно это равновесие достигается у жен-

щин, так как ежемесячное истечение нарушает равновесие в организме...

– Все верно, но, возвращаясь к новостям, принц и принцесса приедут не одни, с ними будет охрана из гвардейцев, фрейлины и прислуга, а значит, людей в городе станет больше.

– Если больше людей, значит, больше болезней?

Доктор кивнул, отпивая горячий чай.

– Больше болезней, больше работы, – я искренне не понимала, доктор Майос любил свою работу и никогда не отказывал пациенту в помощи.

– Ты еще мала, Эстель и я не беру тебя с собой, когда меня вызывают знатные дамы, иначе ты давно бы усвоила разницу. Впрочем, – доктор критически оглядел меня от бантов в косах, до простых коричневых башмаков, – ты уже можешь сопровождать меня, но без моего разрешения не говори ни слова, только помогай.

– Хорошо, – я немного удивилась, но обрадовалась еще больше: больше работы – больше денег. Да и любопытство во мне уже проснулось, в богатых домах я еще не бывала.

Тарис

Выбор жены и покупку меча нельзя передоверять другому.

Джордж Уэллс Герберт

Свадьба! Я горько усмехнулся. Отец сделал свой ход! На-

следник заключает выгодный политический союз!

Уже несколько лет, как я официально принял регалии наследника и выполняю свои функции при дворе.

Беатрикс счастливо вышла замуж за профессора, который обучал меня математике и астрономии, переехала в маленький город на побережье. У четы Цурфам чудный мальш, очень похожий на маму. Я иногда бываю у них, когда бред придворной жизни затопляет мою душу тоской. Беседую с рассеянным профессором, играю с маленьким Мастом и пью чай в гостиной, порою спрашивая совета.

Впрочем, сейчас о Беатрикс лучше не вспоминать. Она счастлива со своим профессором. А мне вскоре предстоит стать мужем девушки, которую я видел только на портрете. Еще раз сжав кулаки, я прислушался: за тонкой стеной гудели голоса, шло обсуждение деталей моей свадьбы, и от этого хотелось напиться.

На столе в моем кабинете уже раскачивалась на серебряной веточке миниатюра, написанная с принцессы Элизии. Я подошел ближе, качнул алое эмалевое яблочко, чтобы оно развернулось, и взглянул на портрет еще раз. Бледное удлиненное личико, голубые глаза и светлые волосы. Особое отличие всех северянок – длинная шея, в оборках кружевного воротника. Кто она, и что принесет в мою жизнь?

Я вздохнул и качнул другие яблоки, в которых прятались изображения отца, мамы и Беатрикс. Потом сел в кресло и взял очередной проект, подсунутый отцом на рассмотрение.

С бумагами бывает куда проще, а вот люди порой непредсказуемы.

После обеда зашла матушка, раздумываясь от волнения, и сказала:

– Тарис, я так счастлива за тебя! – она порывисто, словно девочка, обняла меня, и только тут заметила мою недовольную гримасу. – Что случилось, сынок? – мать принялась заглядывать мне в глаза, а я быстренько натянул маску самой откровенной скуки.

– Все хорошо, мама, устал просто отчеты читать.

Мать поверила и, еще раз обняв, ушла. А я постарался погрузиться в бумаги, до свадьбы еще полгода, есть время что-то придумать.

Этель

Все новостные листки писали о свадьбе наследника: подробно описывались наряды первых дам и кавалеров, карета невесты и парадный камзол жениха. Особое внимание уделялось цветам, блюдам парадного обеда и добрым приметам, связанным с торжествами.

Даже в нашем маленьком городе устроили народные гулянья. Выкатили на площадь бочку вина, да запекли пару баранов из небольшого стада градоправителя, наверняка оплаченных по цене говядины.

Я в этот день водилась с младшими братом и сестрой и никуда не пошла. Зато вызубрила новую главу из учебника

по родовспоможению.

Конечно, до экзаменов еще годика два. Но в понедельник доктор обещал взять меня на осмотр леди Ванесс и я хотела знать к этому времени как можно больше.

Однако ночью я почему-то горько плакала, уткнувшись в подушку. Даже крепкая смесь валерианы и пустырника не помогла успокоиться: слезы продолжали течь по лицу, промочив воротник ночной рубашки.

Я пыталась успокоиться, вспомнить что-то веселое, но перед внутренним взором всплывал большой розовый куст, позеленевшая от времени скамейка и резные тени винограда на белом песке.

Измучившись, я накинула шаль и вышла к морю. Мерный шум отступающей воды немного успокоил, я долго шла по песку пляжа, и ветер сушил слезы.

Но едва забрезжил рассвет, я повернула назад: скоро проснется мама, она рассердится, что я ушла одна. Возле нашего дома я споткнулась и чуть не упала: на крыльце лежала неприметная коричневая палка с корнями, а рядом лепесток розы. Мама выглянула на шум:

– Доброе утро, Эстель, что это у тебя?

– Не знаю, мама, это лежало на крыльце, – я торопливо отвернулась, пряча красные глаза и блестящие соленые дорожки на щеках.

– Да это же корень розы! Сажать немного поздновато, но у меня как раз есть подходящий горшок!

Мама обрадовалась непонятно чему и захлопотала над корявой палкой, а я поднесла к носу лепесток и вдохнула нежный аромат. Странно: вокруг море, а лепесток пах солнечным днем и немного виноградом. Этот корень прижился и к нашему удивлению очень быстро зацвел огромными пышными цветами.

Глава 14

*Музыка свадебного шествия всегда напоминает
мне военный марш перед битвой.*

Генрих Гейне

Тарис

Отвертеться от брака не удалось. Я чувствовал странную тяжесть на сердце, но ничего не мог поделать, Старался отыскать хорошее: в моей постели появиться женщина, которую отец не сможет подкупить или запугать.

Король продолжал ненавидеть меня. Мои успехи словно служили ему упреком, и он придумывал все новые обязанности с тех пор, как я вернулся ко двору. Кроме того, я заметил, что многочисленные «племянницы» меня избегают, а юные леди благородных кровей, прибывшие ко двору с маменьками, просто шарахаются как от чумного.

Надир печально качал головой на мои вопросы. Мама отводила глаза и меняла тему. Я был в недоумении, пока не подслушал болтовню фрейлин. Дамы немного увлеклись чаем с ликером, и потому начали пугать друг друга, рассказывая ужасы о кавалерах Двора:

– Лорд Саймс любит обливать женщину патокой и урчать как голодный кот, – хихикала леди Греймс, почтенная вдова лет сорока.

Поговаривали, что достойная дама привечает в своем алькове юных пажей, но внешне она блюла приличия и всегда строго осуждала молоденьких фрейлин за слишком откровенные вырезы.

– Это еще что, а лорд Урцул обожает дергать даму за волосы, словно ездовую лошадь, – со смехом делилась информацией еще одна леди, щедро добавляя в чай ликер.

Я не мог ее видеть, но по голосу показалось, что это леди Отир, моложавая матрона лет тридцати. В ответ на ее слова донеслись слова, сказанные чувственным, хрипловатым полусшепотом:

– А один из высоких лордов держит в спальне дюжину шелковых шарфов...

Остальные дамы переглянулись и тонко засмеялись, видимо, каждая имела маленький секрет, связанный с этим предметом туалета.

Однако смешки стихли, когда они заговорили обо мне:

– По слухам, принц имеет извращенную фантазию! – испуганно пискнула жена одного из капитанов гвардии, лишь недавно допущенная в этот кружок.

– А его первую любовницу вывезли из дворца глухой ночью! – подлила масла в огонь леди Греймс, поправляя высокий воротник вдовьего платья.

– Никто до сих пор не знает, куда подевалось ее тело! – зловещим шепотом проговорила леди Вайторп.

Дамы притихли, потом выпили по рюмочке ликера, «для

успокоения нервов», потом еще по одной «для аппетита», так что разговор почти затих и я собирался уходить.

– А я слышала, – неожиданно высказалась одна из дам помоложе, – что невесту Его Высочеству потому и везут с Севера, что там женщины крепче телом и мало знают о нашем принце.

– Да-да, – с оглядкой подхватили остальные!

– Он прячет под одеждой уродство!

– У него жестокий нрав!

– Бедная, бедная принцесса Эллизия!

Я медленно выдохнул и ушел с галереи. Слушать это было невыносимо. Так вот какие слухи ходят обо мне при Дворе! Странно, что секретарь не писал мне этого в бумагах...

Глава 15

Люди обычно сами виноваты, что их брак оказался неудачным, хотя бы даже потому, что он был заключен.

Дарий (философ)

Подготовка к свадебным торжествам шла полным ходом и, наконец, настал день, когда невеста торжественно въехала в город под звуки труб и приветственные крики.

Я стоял на крыльце вместе с родителями. От яркого солнечного света болела голова. Надир с утра предлагал мне горькую настойку, но теперь от любого лечения я шарахался как от огня, а знакомый вкус и аромат лечебных трав вызывал рвотные спазмы. Выручил доктор Люциус – протянул конфетку в белой сахарной глазури и фляжку с водой.

– Что это? – поинтересовался, я уже разжевав сладость и запив водой.

– То же самое, что в настойке глубокоуважаемого Надира, только возведенное в степень концентрации и смешанное с сахаром.

Я удивленно качнул головой:

– Люциус, вы меня удивляете! – Доктор молча поклонился, а голова вскоре перестала болеть, да и вообще окружающее стало восприниматься более спокойно.

Свадебный поезд приблизился. Невеста ехала верхом, по

обычаю своей родины, рядом на невысоких крепких жеребцах ехали ее братья. Я поразился их мощи и совершенно дикому виду, а они смотрели на меня явно разочарованными глазами: в свои двадцать четыре я был высоким, но сухощавым. А потому выглядел значительно моложе своих лет.

Невеста была закутала в тонкое расшитое полотнище, более всего напоминающее саван. Братья помогли ей спуститься с лошади и под руки повели по ступеням. Делая шаг, они по северному обычаю кидали за спины хлеб, мясо и золотые монеты в откуп злым духам.

Поглядывая на спрятанную от недобрых глаз невесту, я с тоской думал, что увижу я суженую не скоро, только после брачной церемонии. Сейчас нам придется помахать рукой подданным и, вместе усевшись в карету, ехать во дворец. Но отец и тут постарался!

Из толпы придворных выступил жрец, а гвардейцы быстро установили походный алтарь. Восторженные крики превратились в рев, когда народ понял, что свадьба наследника произойдет здесь и сейчас.

Прочитав короткую молитву, жрец благословил нас и, окропив водой, отпустил с миром. Теперь мне можно было явить миру лицо новорожденной, моей жены. Я сделал это, чуть дрожащими руками откинув парадный саван.

Принцесса Элизия оказалась вполне приятной девушкой: светловолосой и голубоглазой, и такой же худощавой, как и я. Глаза только печальные, но я, кажется, тоже не рад этим

событиям.

Помахав собравшимся подданным руками, мы прошли к карете. Лакеи помогли нам сесть на пунцовые бархатные подушки. Белые лошади потянули тяжелый экипаж по главной улице. Мы отправились во дворец.

Элизия молчала. Я тоже. Брачные медальоны нам наденут ночью, перед брачным ложем. Их задача подтвердить, что брак был совершен. А пока наша цель выдержать пир, и помочь нам в этом доктор Люциус!

Уже за столом я обратился к принцессе с несколькими словами, предлагая воспользоваться помощью моего личного доктора, для восстановления сил. Девушка молчала. Тут я решил, что понял причину молчания принцессы: она не говорила по-гайтски!

Я перебрал полдюжины известных мне языков, но она лишь отрицательно качала головой. Потом, взяв салфетку из тонкого хлопка, нацарапала кончиком вилки:

– Я не говорить, я только писать.

Я горестно про себя рассмеялся: так вот почему отец устроил брак с этой принцессой! Она немая! Самая удобная жена с его точки зрения! Не сможет никому ничего рассказать. А дворцовые сплетники разнесут эту новость под столь острым соусом, что уже завтра от меня будет шархаться и челядь.

Девушка глядела на меня с печалью и твердостью, но я видел страх в ее глазах. По закону я мог сейчас же расторг-

нуть брак, и меня никто бы не осудил. Соккрытие недостатков физических, финансовых или душевных до заключения брака, считалось в нашей стране поводом для его расторжения. Но заявить о недостатках обиженная половина имела право только в первые три дня после заключения союза.

Глаза Элизии наполнились слезами, и внезапно мне стало жаль принцессу. Я успокоительно погладил ее красивую руку с длинными музыкальными пальцами, а потом поднес эти дрожащие пальцы к губам.

Пир прошел ожидаемо: произносились тосты, преподносились подарки, не обошлось без шпилек и тонких намеков. Но я не обращал внимания, и даже не пытался проткнуть очередного острослова взглядом. Я был занят: рассказывал шепотом молодой жене о сидящих за столом людях. Наливал ей сладкого ягодного сока и подкладывал на тарелку аппетитные кусочки. Она кивала, иногда чертила вилкой на полотне вопросы и смотрела на меня с благодарностью. Возможно, брак – это не так страшно?

В полночь нас проводили в спальню. Невесту готовили дамы, приехавшие с ней. По северному обычаю меня должны были провожать друзья и свадебные помощники, но я оставил всех в своей спальне, запретив пугать мою молодую супругу.

Когда я вошел, Элизия сидела на кровати с распущенными волосами, в тяжелом головном уборе, украшенном лентами и подвесками из драгоценных камней. Вокруг на столи-

ках и канделябрах горели свечи, подчеркивая нежную красоту моей супруги. Тонкая расшитая сорочка бурно вздымалась на небольшой высокой груди.

Я не зря отпустил свиту. Эта ночь предназначалась нам двоим. Медленно, стараясь не делать резких движений, подошел к кровати:

– Элизия, – я хотел быть честным, – ты знаешь, что делают в постели мужчина и женщина?

Она кивнула, но как-то неуверенно и сильно покраснела. Я присел на постель, погладил ее дрожащую руку:

– Сегодня мы с тобой должны сделать это, чтобы закрепить наш брак. Я постараюсь быть нежным сегодня. А позже я буду приходить к тебе, только если ты будешь меня приглашать.

Она вскинула на меня недоуменный взгляд:

– Я хочу с тобой подружиться, – сказал я. – Когда ты поживешь здесь подольше, поймешь, как мне не хватает друзей. Я надеюсь, что ты станешь мне добрым другом.

Я дождался ответного кивка и забрался под одеяло. По обычаю меня тоже обрядили в длинную рубаху и я не спешил ее снимать. Всему свое время.

Немного полежав рядом с окаменевшей невестой, я предложил:

– У тебя, наверное, болит голова от всех этих украшений? Хочешь, помогу их снять?

Элизия кивнула, опасливо закусив губы. Я не торопился:

аккуратно отцепил одну подвеску, потом вторую, третью. К пятой принцесса сама подалась ближе ко мне, спеша избавиться от тяжелого украшения. Когда венец переключался на столик, я уже сумел оценить трепетный цветочный аромат, исходящий от волос принцессы.

Но стоило мне повернуться к своей жене, как она испуганно юркнула под одеяло. Еще раз напомнив себе о том, какой великой добродетелью является терпение, я лег рядом.

Сначала я просто обнял девушку, прижав к себе и давая привыкнуть к близости моего тела. Потом, когда она вспомнила, что нужно дышать, начал поглаживать ее руки сквозь тонкую рубашку, спину, плечи, коснулся поцелуем бледных губ, закрытых глаз. Она лежала неподвижно. Ее тело послушно подавалось моим ласкам, но я чувствовал ее боязнь, ее нежелание перейти к большему, и не спешил.

Просто шептал на ушко нежности, целовал, хвалил за робкие попытки прижаться ближе и спрятать лицо у меня на груди. А потом я неосторожно прижался к ней доказательством своего интереса. Элизия вздрогнула и, вытянувшись, как гвардеец на плацу, легла на спину, раздвинув немного ноги. Я оторопел, а потом понял:

– Тебе сказали, что так нужно встречать мужа?

Она кивнула и опустила ресницы, пряча испуг.

– Почти верно, только лучше снять рубашку.

Принцесса еще испуганнее замотала головой и, я не стал настаивать:

– Хорошо, можешь не снимать, но придется приподнять подол.

Элизия, закаменев лицом, потянула вверх свою рубашку и когда до ее скромности остался примерно дюйм, я остановил ее поцелуем:

– Достаточно. Скажи, тебе нравятся мои поцелуи?

Девушка кивнула, а я осторожно лег на нее, опираясь на локти и колени, поцеловал сжатые губы, потом сказал:

– Я буду целовать тебя, а ты просто лежи и ничего не бойся, хорошо?

Она вновь закивала, сжала руками подол сорочки так, что побелели костяшки пальцев. Я терпеливо и бережно начал целовать, ее нажатием колена раздвигая ноги, а потом, мысленно вознеся молитву светлым духам, устремился вперед.

Спустя некоторое время мы лежали рядом, и я бережно сцеловывал слезинки с ее лица. Камни в наших медальонах светились, признавая брак совершенным, а моя жена горько плакала, уткнувшись лицом в мое плечо.

Мне тоже почему-то было тоскливо и, когда Элизия заснула, я спустился с балкона в сад. Там отстраненно побродил среди запутанных дорожек и неожиданно вышел с старинной восьмиугольной скамье, в центре которой рос большой розовый куст. Я присел на обомшелый камень и вдруг вспомнилось слышанное когда-то:

– Разве ты не знаешь? В самых больших и красивых цветах спят феи. Если ты поймаешь фею спящей, сможешь за-

гадать любое желание!

Я вздрогнул, посмотрел на куст: все бутоны были плотно закрыты. Отчего-то я не удержался и погладил туго скрученные лепестки. Издалека повеяло морем, а потом вновь стало тихо, только крики нетрезвых гостей доносились из дальнего крыла дворца.

Я встряхнулся, прогоняя наваждение, и вернулся в спальню. Утром нас разбудят на заре, чтобы убедиться в свершении брака, и мне необходимо быть рядом с женой.

Глава 16

*Труд как бы создает некую мозолистую преграду
против боли.*

Цицерон

Этель

Это лето стало для меня трудным испытанием. Доктор Майос оказался прав: работы у него прибавилось. Так как он оказался единственным в городе врачом с дипломом столичной Школы Лекарей, то в красивый беломраморный дворец на самом берегу приглашали только его.

Но началось это не сразу. Сначала все женщины округа были собраны на большую уборку дворца, потому что здание пустовало много лет. Мама тоже пошла туда, надев свое лучшее платье и белоснежный чепчик. Вернувшись домой, она, смеясь, рассказывала нам, какие там важные усатые стражники, степенные лакеи и шустрые пажи.

Потом нашлась работа и отцу: за мебелью в главных покоях следили, а вот простые кровати горничных и солдат требовали замены. Городские плотники целую неделю стучали молотками, быстро восстанавливая необходимое.

За день до приезда молодых прибыла карета с фрейлинами. Изнеженные дамы, измучившись в дороге, тотчас потре-

бывали лекаря, и доктор Майос взял меня с собой:

– Дамы должны привыкнуть к тебе, девочка, – сказал он и критически меня осмотрел.

Я по-прежнему ходила в тех платьях, которые мне заказывала мистрис Эко в начале учебного года, фасон их особенно не менялся, только размер. Вот и сейчас на мне было синее платье длиной до лодыжек, с широким белым воротником и манжетами, косы переплетены белыми лентами и уложены на голове в «корзинку».

– Отлично, но кое-чего не хватает.

Доктор подошел к своему столу и вынул оттуда тонкий кружевной шарфик и пару белых шелковых перчаток:

– Надень, пожалуйста.

Я только кивнула и бережно натянула нежную ткань на пальцы.

В школе дамы требовали безукоризненно чистых ногтей и рук, да и доктор Майос просил меня мыть руки после каждого пациента. Но перчатки... Это символ статуса, знак особого положения в обществе. Пусть они совсем короткие, едва до середины запястья, и совсем простые, без вышивки, но это новый шаг вперед, как и шарф.

Простолюдинки покрывают головы платками и чепцами, иногда мягкими шапочками или забавными уборами из лент и бус. Знатные дамы используют тонкие шелковые и кружевные вуали, мантильи и тюрбаны, а незамужние девушки – обручи и шляпки. Шарфы носят гувернантки, акушерки и

экономки. Получается, доктор повысил меня в статусе, чтобы представить обществу во дворце.

Пока я завязывала шарф на затылке, доктор еще раз проверил свой чемодан, и мы вышли в теплый вечерний сумрак.

До дворца нужно было довольно далеко идти, но за доктором Майосом прислали карету. Я впервые ехала в таком экипаже. В нашем южном городе даже самые состоятельные люди пользовались бричками с кожаным верхом, или вовсе повозками с плетеным из прутьев коробом. К таким экипажам я привыкла.

Здесь же было на что посмотреть: корпус кареты был сделан из легкого розоватого дерева. Красиво выгнутые балки остова украшала резьба в виде виноградных лоз, а щепное плетение короба позволяло бризу выдувать жар, скопившийся в карете за день. Карета, очевидно, специально предназначалась для жаркого климата, так как вместо стекол в дверцах стояли рамки с натянутым редким шелком, а в самой карете обнаружился бочоночек воды и легкие резные стаканчики.

Доехали мы с комфортом, но почти у самых ворот нас обогнал длинный тяжелый экипаж, окруженный всадниками в гвардейской форме. Кучер мудро свернул в сторону, а доктор, выглянув сквозь редкий шелк, покачал головой:

– Новобрачные приехали раньше, чем их ждали, теперь фрейлинам не до нас.

– Вернемся в город? – спросила я немного разочарованно.

– Нет, лучше немного подождем, – поразмыслив, сказал

доктор, – вдруг мы понадобится их высочествам.

Карета подъехала к служебной пристройке, и выбежавшая нам навстречу камеристка почти слово в слово повторила слова доктора. Девушка нервно сжимала руки под кружевным передником, и просила нас поторопиться: старшей фрейлине принцессы срочно необходимо средство от тошноты и головной боли. Покопавшись в чемодане, доктор вынул флакончик с универсальным средством, основой которого была валериана, и вручил горничной с указанием пить не более двадцати капель за раз.

Глава 17

Если из двух людей один хочет встретиться – их встреча обязательно состоится.

Юлия Вознесенская «Сын вождя».

Доктор Майос не зря расположился в большом зале для ожидающих аудиенции. Буквально через полчаса нас позвали к самой принцессе. Мы вошли в полутемную спальню, с огромной кроватью под легким шелковым балдахинном. В кровати лежала бледная дама с полураспущенными светлыми косами. Рядом с постелью стоял мужчина, очень высокий и худой, в темной дорожной одежде. Мне мужчина показался знакомым, что было странно – я редко обращала внимание на мужчин, однако его профиль и манера двигаться...

Увидев доктора, он порывисто подошел к нему:

– Добрый день, доктор, моей жене стало плохо в пути, и я очень надеюсь на вашу помощь, – лицо принца выглядело сдержанным, но отдельные черточки выдавали его беспокойство.

Доктор Майос не стал тратить время на любезности: коротко поклонился и подошел к кровати. Принцесса слабо улыбнулась и посмотрела на супруга. Принц ободряюще ей улыбнулся в ответ, внимательно наблюдая, как доктор протирал руки подсунутой мною салфеткой с отваром ромашки.

Доктор бережно прикоснулся к хрупкому запястью, выслушивая пульс, а я потихоньку доставала инструменты и рассматривала из-под ресниц больную. Бледность, влажная испарина, покрасневшие белки глаз – возможно, просто усталость, а возможно и лихорадка. Между тем доктор нахмурился, и спросил пациентку:

– Миледи, вы где-нибудь чувствуете боль?

Вместо дамы заговорил принц:

– Моя супруга не может говорить, доктор, но она вас слышит и может написать ответ.

Принцесса очаровательно покраснела, и пожала его высочеству руку. Доктор свел полуседые брови и спросил по-другому:

– Миледи, если у вас что-нибудь болит, укажите мне, пожалуйста, это место на этой кукле.

Куколку, сшитую мистрис Эко, доктор возил с собой специально для подобных случаев. Принцесса аккуратно коснулась пальцами висков, груди и, покраснев еще сильнее – низа живота.

Тогда доктор шепнул ей что-то на ухо и она показала ему несколько пальцев. Оглянувшись на хмурого принца, господин Майос протянул руку, и я вложила в нее серебряную трубку, новейшее изобретение, позволяющее услышать стук сердца и хрипы в легких, не прикасаясь к пациентке. Принц посмотрел на нас удивленно: должно быть не ожидал увидеть в такой глуши современные инструменты.

Прослушав грудь и спину, доктор опять свел брови, а потом попросил даму откинуть одеяло и промял ей живот. Кивнув своим мыслям, начал диктовать мне травы для отвара. Я строчила в маленькой книжечке кусочком графита и перебирала пакетики в сумке, а доктор уже обращался к мужу пациентки:

– С супругой Вашего Высочества все будет в порядке, ее утомил переезд вкупе со сменой климата. – Доктор помялся, и закончил свою речь:– Думаю, что начало супружеской жизни тоже сыграло свою роль. Сейчас Эстель заварит травы, их нужно будет выпить, а потом молоко с медом на ночь и поменьше нагрузок ближайшие два дня.

Принц серьезно кивал, а потом пригласил доктора выйти побеседовать в кабинет. А я снова и снова пыталась вспомнить – где же я могла увидеть его высочество? Ведь принц раньше не приезжал в Летний дворец, а до этого жил в столице? Может быть он мне просто приснился? Как запах роз внезапно появившийся в комнате.

Тарис

Утром после брачной ночи от моей ночной тоски не осталось и следа. Элизия немного смущалась всеобщего внимания и цеплялась за мою руку, но я уже решил, что мы постараемся стать семьей. Я ласково поглаживал ей кончики пальцев, улыбался, и когда настало время вручать подарок «за невинность», заменил скромную жемчужную парюру рос-

кошной аквамариновой.

Крупные прозрачно-голубые камни очень шли к ее глазам, и она улыбнулась, с достоинством принимая дар. Братья моей жены, споившие за ночь всех самых стойких пьяниц двора, довольно гудели и стучали в щиты короткими мечами. Королева смотрела благосклонно, больше волнуясь за меня, чем за мою супругу. Король выглядел раздраженным, очевидно он надеялся на другой исход этого брака.

Задерживаться во дворце мы не стали. Под тяжелым взглядом свекра моей жене было неуютно. Уже к полудню были поданы кареты, увозящие нас к морю.

Ехали не спеша, я рассказывал Элизии о тех городах, которые мы проезжали, старался смягчить дорожные неудобства, но их было множество. Король не отпустил с нами доктора Люциуса, а лекари в небольших городках не внушали мне доверия. Элизиа держалась мужественно, но ей постоянно было жарко, еда оказалась непривычной, а вода слишком пресной.

Приехали мы только через неделю. Из кареты Лиззи пришлось выводить под руки. Впрочем, ее хватило, чтобы помахать руками и улыбнуться слугам, а потом я потребовал врача. Горничные забегали, сообщив, что фрейлины не ждали нас так быстро и я сам проводил Лиззи в спальню. Распорядился, чтобы камеристка передела ее в сорочку и пеньюар, предварительно обтерев тело губкой.

Доктор появился быстро и, к моему удивлению, произ-

вел приятное впечатление: не лебезил, не рассыпался в уверениях, уверенно протер руки, подсушил, подошел к больной. Тихая девочка, пришедшая следом, открыла докторский саквояж и стояла, смиренно дожидаясь его знака.

Странно, в комнате почему-то запахло розами, но я не обратил на это особого внимания, зато удивился, когда девочка подала доктору серебряный стетоскоп. Этот инструмент появился у врачей совсем недавно! Еще месяц назад доктор Люциус хвалился мне своим приобретением, объясняя, что теперь лучше слышит шумы в сердце и хрипы в легких, и к тому же не беспокоит скромность дам.

В итоге доктор удивил меня своим профессионализмом и тем, что очень внимательно отнесся к моей жене. Девочка – помощница, стараясь не шуметь, перебирала пакетики, высыпая травы в чайник, потом неслышным шагом вышла за кипятком.

Пока лекарство настаивалось, мне в голову пришла потрясающая идея: Элизии нужны люди, с которыми ей будет комфортно, а этот пожилой доктор и его помощница могут стать такими близкими людьми. Нужно лишь заинтересовать их верной службой.

Я пригласил доктора в кабинет и сделал ему предложение, честно обрисовав перспективы:

– Я могу предложить вам проживание во дворце и хорошее жалование. Можете взять с собой помощницу и еще кого-нибудь для личных услуг, но вы будете служить не мне и

не королю, а Ее Высочеству принцессе Элизии.

Доктор не спешил отвечать согласием, помолчав, он сказал:

– Я уже не молод, Ваше Высочество, и много лет прожил в этом городе, но понимаю вашу заботу о супруге. Я готов принять ваше приглашение на год, потом моя помощница получит диплом и я вернусь сюда, оставив ее при дворе.

Я медленно кивнул: даже год немало в нашей ситуации.

– Хорошо, доктор. Мы пробудем здесь месяц, к этому времени постарайтесь устроить свои дела, а сейчас возьмите это, – я протянул старику два медальона допуска во внутренние покои, уточнив: – носить нужно на теле.

Поклонившись, доктор вышел, его уже поджидали камеристки фрейлин. Вздохнув и потеряв занывший от напряжения затылок, я отправился на поиск своих личных покоев: необходимо переодеться и навестить Элизию перед сном, ей будет спокойнее.

В моих покоях уже стояла большая медная ванна на высоких ножках. Камердинер приготовил белье и шелковый халат, а Надир окурил комнату благовониями, снимающими усталость. Но я не собирался предаваться неге. Эта поездка – хорошая возможность, оказавшись без присмотра дворцовых шпионов, набрать на службу не связанных с отцом людей. Доктор Майос лишь первая ласточка, посмотрим, что будет дальше.

Глава 18

*Как провозжают пароходы?
Совсем не так, как поезда...*

Этель

Дома стоял плач – первой заплакала мама, за ней сестренка, а следом и братец. Отец хмурился и жевал ус, ему было понятно, что предложение принца для меня просто сказка. Даже если через год я вернусь в этот город, столичный диплом не даст мне остаться без куска хлеба. Но ему не верилось, что его маленькая девочка уже так выросла.

Доктор Майос пришел к нам домой и за чашкой горячего чая сам рассказал все моим близким. Причем упирал не на столичный блеск и роскошь, а именно на то, что я смогу делать, вернувшись в родной город. Это действовало лучше всяких радужных обещаний жилья во дворце и танцев с придворными кавалерами.

Обсудив с отцом все подробности договора и поездки, доктор уговорил маму не тратить деньги на сборы меня в дорогу.

– Сударыня, ваша дочь поедет в столицу, служить принцессе. Ей полагается форма и денежное содержание. Да и мо-

да в нашем городе отстает, в столице нужно будет купить все новое, подходящее к моде и погоде. Здесь лучше купить нитку жемчуга и нитку янтаря, чтобы не тратить деньги в столице. Эти украшения считаются минимальным допустимым набором для посещения личных покоев ее высочества.

Успокоившись, мама принялась рассуждать, где лучше выбрать то и другое, а следом успокоились и младшие. Еще месяц вокруг меня продолжалась суета. Отец сам сколотил мне дорожный сундучок, украсив крышку моими инициалами. Мама уложила в него тщательно вычищенные и выстиранные вещи. При этом несколько раз она пыталась завести со мной разговор о послушании доктору Майосу, о сохранении девичьей чести и доброй репутации. Но потом отступалась – видела, что я думаю только об учебе, а доктор и так меня в обиду не даст.

Доктор Майос оставил свой дом на попечение мистрис Эко, написав все необходимые бумаги. А я просто волновалась и готова была прыгать от восторга: еще немного, и я буду сдавать экзамены на акушерский диплом!

Принцесса Эллизия быстро оправилась от своего недуга и теперь частенько гуляла с принцем по берегу, собирая красивые камушки и ракушки.

Во дворец мы с доктором приезжали каждый день. Там для нас непременно находилась работа: то кухарка плеснет кипятком на зазевавшегося поваренка, то конюх обдерет ладонь вылезшим в рукояти гвоздем. А уж фрейлины страдали

мигренями и женскими болями все по очереди.

Ее Высочество частенько приглашала нас с доктором посидеть вместе с ней на веранде с видом на море, попить чаю. Лакеи накрывали стол и оставляли нас втроем. Фрейлины в это время играли в волан, или музицировали на инструментах, неизвестных на родине принцессы.

Доктор беседовал с леди Элизией, почтительно ожидая вопросов на листе плотной белой бумаги. Я сидела тихо, как мышка, и пила чай из тонкостенных коричневых чашечек с легким золотистым узором. Постепенно принцесса стала включать меня в беседу, а узнав, что я собираюсь сдавать экзамены на акушерку, очень обрадовалась и поддержала меня:

– У нас на родине женщина, помогающая прийти ребенку в мир, очень почитается, – написала Ее Высочество в блокноте, – я буду рада, если рядом со мной будет такая дама.

– Я не дама, Ваше Высочество, – я потупилась, – я дочь плотника.

– Не имеет значения. – Принцесса подняла на меня красивые голубые глаза, улыбнулась, и продолжила писать, – Как только защитишь диплом, сразу получишь патент моей придворной дамы.

Мне оставалось лишь присесть в почтительном реверансе. Принцесса могла попросить супруга о даровании мне патента, но его высочество сам утверждал все назначения двора принцессы.

Тарис

Медовый месяц подходил к концу, а вести из столицы приходили все более тревожные. Отец надеялся, что я разведусь с Элизией, и устрою свару на северных границах. Это дало бы нам возможность захватить часть земель северных княжеств, но я поломал его планы и теперь король исходил злобой, надеясь поссорить нас. Мне регулярно присылали письма очерняющие Лиззи, а ей рассказывали небылицы фрейлины. Пришлось удалить самых рьяных и это пошло на пользу нашему обществу. Теперь вечера проходили тихо, а ночи сладко.

Шпионы докладывали ему, что я еженощно навещаю супругу, да и днем мы много времени проводим вместе, а значит, шансов списать мою смерть на месть северян нет. Но есть перспектива получить здорового наследника, внука, которого можно будет воспитать лично.

Видимо, Его Величество обдумал и принял эту перспективу. Едва шпионы разнесли весть о возможной беременности принцессы, как в летнем дворце стало на удивление тихо: не рушились балконы, не бесились собаки, даже сплетницы-фрейлины поутихли. Я бессовестно радовался передышке. Бесконечно защищать принцессу от нападков враждебного ей окружения было непростой задачей. Теперь же можно было сказать, что наш брак признан, значит Элизия останется рядом со мной.

В столицу мы возвращались большим кортежем. Я решил

все же ехать верхом. В карете принцессы тряслась помощница доктора, серьезная темноволосая девочка в строгом синем платье. Она уже доказала свою тактичность и полезность, так что я был спокоен за самочувствие Лиззи.

Сам доктор ехал в своей карете, заполненной книгами, травами и инструментами. Он, спросив разрешения, несколько проредил и библиотеку летнего дворца, отыскав там старые травники, и теперь не поднимал головы от очередного толстенного тома.

На остановках малышка всюду была рядом с Лиззи: подавала какие-то отвары, рвала цветы, рассказывала своей принцессе что-то из краткого курса географии. Остальные фрейлины предпочитали мелькать передо мною, исполняя свои обязанности «спустя рукава», так что помощница доктора Майоса стала радостью Элизии. Принцесса даже приглашала девочку к завтраку.

Однажды за чаем Эстель очень серьезно попросила меня пить только кипяченую воду:

– Простите меня за просьбу, Ваше Высочество, – девочка смущенно потупила голубые глаза, но ее голос звучал твердо, – но в этой местности вода очень плоха и часто случаются моровые поветрия.

Я посмотрел на девочку насмешливо, желая испытать ее стойкость, но малышка не поддалась: устояла на кусок пирога и снова настойчиво повторила, как опасно пить сырую воду. Последним аргументом стало:

– Ее Высочество пьет только вареную воду с лимоном или уксусом, либо чай.

Ее глосс звучал так знакомо и настойчиво. Мне захотелось пошалить как в детстве, но я вовремя вспомнил, что «весовые категории» у нас разные.

– А что думает о ваших словах доктор Майос? – поинтересовался я.

Насмешка в моем голосе смягчилась и девочка разгорячилась:

– Он сам просит повара кипятить воду для всех. К сожалению его не слушают, говорят, что это чепуха, – малышка подняла глаза, и я заметил мелькнувшую в них обиду за наставника.

– Хорошо, я распоряжусь кипятить воду, и велю всех заболевших увольнять со службы, думаю, это напугает их больше расстройства желудка. – Я подмигнул девочке, и она ушла обрадовать доктора, а мы с Лиззи смогли уединиться и поговорить.

Глава 19

Этель

Столица ошеломляла. С постоянного двора мы съехали в зыбких серых сумерках, зевали все: и фрейлины, и возницы, и даже Их Высочества. Меня усадили в карету к доктору Майосу и велели спать: до столицы еще далеко. Но я все вертелась и норовила высунуться в окно. Вскоре доктор не выдержал: позволил сесть на скамью рядом с кучером, чтобы могла жадно всматриваться вперед.

Карета все катилась и катилась, а столицы все не было и не было. Я отвлеклась на пыльные обочины, на бредущих к городу крестьян, а потом яркое солнце выметнулось из-за горизонта и осветило блистающие шпили дворцов, сверкающие флюгеры домов и бесконечную вереницу сигнальных башен.

Я даже привстала, под смешливым взглядом кучера до рези в глазах вглядываясь в горизонт. Потом села обратно и все смотрела, предвкушая въезд в город. Меня тянуло рассмотреть все, что попадет навстречу, полюбоваться каждым камнем мостовой, каждой медной ручкой, но чаша моих впечатлений быстро переполнилась и я вернулась в карету на первой же остановке.

В красивые каменные ворота мы въехали к полудню и тащились до дворца по мощеным улицам, заполненным наро-

дом, еще часа три. Принца в городе любили, и часть этой любви доставалась и его супруге. Люди кричали их имена, бросали под ноги лошадей цветы и ленты, а я уже мечтала о хорошей тарелке супа и ванне.

Тарис

Торжественная встреча удивила. Последние годы отец активно занимался внешней политикой, оставив мне внутреннюю торговлю и сельское хозяйство, справедливо считая, что я в этом разбираюсь слабо. Но тут сыграло существенную роль его негативное отношение ко мне. Я вовсе не стремился просиживать штаны во дворце, и пользовался любым предложением, от инспекции посевной до строительства приграничных карантинных складов, что бы уехать. В итоге придворные знали меня мало, зато крестьяне и торговцы предпочитали обращаться со своими проблемами ко мне.

Впрочем, скорее всего дело было в свадьбе. Когда власть имущие ведут себя как обычные люди – женятся, выходят замуж, рожают детей, это очень вдохновляет жителей, доказывает им, что все идет хорошо и правильно.

Помахав рукой толпе, я улыбнулся Элизии и она радостно улыбнулась в ответ. Еще несколько минут, и мы с супругой торжественно вышли из кареты. Вокруг закружились фрейлины, спеша не столько угодить нам, сколько мелькнуть перед глазами короля.

Церемонно раскланявшись при встрече, мы проследова-

ли за их величествами по длинной изумрудной дорожке во дворец. Там нашу свиту быстро завернули в отведенное нам крыло. Элизию Ее Величество пригласила выпить чаю, а меня кивком головы подозвал к себе отец:

– Итак, Тарис, надеюсь, твоя супруга уже беременна? – без предисловий поинтересовался он.

– Нет, Ваше Величество, – я старался сдерживаться, поглядывая на расположившихся у камина женщин. Кажется, мать расспрашивала Элизию о том же самом, потому что моя юная жена жарко краснела. И очень осторожно писала на листочке кусочком графита.

– Почему? Неужели твоя мужская сила вся ушла на фавориток? – фыркнул король.

Я осторожно сжал кулаки, ему ли не знать, что пять лет во дворце я провел практически в одиночестве?

– Нет, отец, новый доктор моей супруги пояснил, что леди Элизии в нашем климате слишком жарко, так что зачинать дитя лучше зимой.

– Ты хочешь сказать, – прошипел король, багровея, – что не спишь со своей женой?

Я взглянул на отца холодно: в свою постель лезть не позволю!

– Разве ваши шпионы не доложили вам, Ваше Величество, что я проводил в постели моей супруги каждую ночь медового месяца?

Отец поперхнулся воздухом и отвернулся. Что ж, я ока-

зался прав, но Элизию нужно прикрыть от поползновений:

– Кстати, я подписал несколько назначений. Двор моей супруги будет находиться в Северном дворце, полагаю сделать его резиденцией Наследника.

Король поморщился, но не возразил. Традиционно резиденцией Наследника после женитьбы становился вычурно украшенный Южный дворец. Зеленые лужайки его парков и внутренние покои дворца больше всего подходили для жизни семьи с детьми.

Но я потребовал Северный дворец, именно потому, что туда мало кто из придворных решится за нами последовать, а значит, рядом будет меньше шпионов.

Северный дворец был чуть-чуть перестроенным замком. Даже уборные и ванны были устроены в нем совсем недавно, во время проживания там очередного политического «гостя», точнее заложника, сына одного из владык присоединенных к королевству княжеств.

Западный дворец традиционно служил посольским двором, а в Восточный переезжал Двор вдовствующей королевы или отрекшегося государя. Кажется, и сейчас там доживали свой век иссохшие фрейлины моей прабабки.

Закончив разговор, я вызволил жену из любезных ладошек моей маменьки и увел ее в наши комнаты. По дороге успел бросить взгляд на прихваченные с чайного столика листочки: я был прав, речь в ответах шла исключительно о здоровье и будущих детях.

– Элизия, здесь мы пробудем не более недели. Сегодня же после отдыха займитесь выбором людей, которых вы пожелаете видеть в своем новом доме. Мы уезжаем в Северный замок и, полагаю, назначенных королевой фрейлин лучше оставить в столице.

В глазах Лиззи заблестели слезы, и я удивленно остановился:

– Что случилось?

Помявшись, жена черкнула на листочке:

– Северный замок...

– Это мое решение. Там более суровый климат и меньше удобств, но меньше и шпионов, а я не хочу оставлять вас одну без защиты.

Тогда Лиззи к моему удивлению написала:

– Я очень счастлива, Ваше Высочество! Можно ли мне пригласить в свиту дам-северянок, а в охрану сородичей?

Я задумался: с одной стороны ей хочется иметь друзей, а с другой, могут возникнуть проблемы с местным населением, которое поколения северян грабили и убивали.

– Не более трех дам и не более пяти человек в охрану.

Радостно просияв, Элизия чмокнула меня в щеку и направилась в спальню. Я заспешил к своему кабинету – нужно было просмотреть почту и отправить слуг в замок.

Глава 20

*Не смерть, а жизнь есть испытание мужества.
Альфьери Витторио*

В Северный замок мы уехали быстро. Отец оставался в окружении своих фаворитов и потенциальных наследников, а я принял на себя управление Северными провинциями.

Доходов эти земли давали не много, эти края небогаты, но так король не будет видеть меня и успокоится. К тому же, мать пошептала мне, что она вновь в тягости и это может отвлечь отца от меня.

В дороге я много читал присланные прежним наместником бумаги, и любовался пейзажами. Тихая супруга оказалась истинным сокровищем – вместе с помощницей доктора Майоса Элизия рукодельничала, читала травники, или рисовала на удивление искусные портреты.

Я заметил, что физические недостатки часто компенсируются развитием талантов. Так и моя жена подмечала все нюансы в выражении лиц и, глядя на ее наброски, я узнал много нового об окружающих меня людях.

На лице доктора Майоса, например, Элизия изобразила светлую печаль и ожидание будущей встречи. Лицо одного из охранников светилось любовью, а на следующем рисунке я увидел к кому – к хитренькой кошечке из горничных.

Некоторые рисунки Лиззи не показывала никому, убирала в красивую кожаную папку и запечатывала ее личной печатью. Я не стремился туда заглянуть, у каждого должно быть что-то для себя, но однажды попросил жену нарисовать меня. Элизия посмотрела на меня крайне серьезно, и черкнула на листочке:

– Не обидишься?

– Нет, дорогая, не обижусь. Я хочу увидеть себя твоими глазами.

Мы ехали по небольшой долине, почему-то лишенной растительности. Заняться было нечем – бумаги я прочел, а до замка оставалось часа три пути. Поэтому я сел поближе к окну и замер, позируя своей супруге, одновременно рассматривая ее. Лиззи похорошела, ее недуг прошел, на лице появился легкий румянец, и она улыбалась всякий раз, как видела меня. Я удовлетворенно вздохнул: выбор сделан правильно, быть женатым не так плохо!

Когда рисунок был закончен, Лиззи устало откинулась на подушки. Девочка тотчас подала ей стакан с водой и осторожно принялась вытирать лицо госпожи влажным платочком, одновременно слушая ее пульс.

Я неверяще смотрел на картон: в центре листа среди штрихов угля проступало мое лицо с выражением бесконечной доброты и терпения. Слева, то же лицо искажала мука, а за плечом маячила тень в черном капюшоне, скрывающем глаза. Я вздрогнул, заметив блеск лезвия и обреченность в

своим взглядом. А вот справа, справа на меня смотрел человек, переживший утрату, опущенные уголки губ, легкие морщинки у глаз, и строгая печаль траурного наряда...

Я поднял взор на Лиззи и она, отстранив девочку, взяла картон из моих рук. Бережно касаясь краешка листа, уложила в папку, затянула тесемки и, разогрев воск на стекле светильника, приложила личную печать.

– Так ты предсказательница?

Лиззи покачала головой: нет.

– А кто?

Элизия написала на листочке несколько слов:

– Иногда я могу увидеть человека таким, каким он был, или будет, но я не могу изменить его судьбу.

– Так в этой папке твои рисунки-предсказания? – сообразил я

– Откроешь ее после того, как меня не станет, – четко вывела на листе принцесса.

– Лиззи? – я попытался стряхнуть мистический ужас, – ты хочешь сказать, что, будучи древним старичком, я открою сундук с твоими рисунками и буду вспоминать всех слуг и придворных, которые умрут за предыдущие пятьдесят лет?

Но Лиззи грустно улыбнулась и показала мне еще один лист: на нем хрупкая девочка сидела за прялкой в углу, узор на ее платье говорил о древнем северном роде. Рядом стояла женщина в наряде северной невесты, а дальше лежал комок, имеющий мало сходства с человеческим телом.

– Лиззи, – я взял в ладони холодные пальчики жены, обнял ее за плечи, привлек к себе на колени, – я не допущу, чтобы с тобой случилось что-то плохое.

Дверь экипажа тихонько стукнула – девочка выскользнула на ходу, оставляя нас одних. До самого прибытия я целовал и утешал Лиззи, говоря разные любовные глупости. Наконец она заснула на моих руках, а я бережно сцеловывал слезинки с ее ресниц и думал о том, что храброму сердцу этой женщины позавидуют и берсерки.

Глава 21

Этель

Планы опять поменялись. В столице мы пробыли недолго, но жалеть об этом я не стала. В огромном дворце, полном народу, мне было одиноко. Даже пажи в цветах его величества пренебрежительно фыркали в сторону придворных немой принцессы, а уж дамы и кавалеры издевались еще более жестоко и изощренно.

Я старалась выглядеть серой мышкой, но мою близость к принцессе Элизии отметили, оценили и начали делать предложения. Приятная во всех отношениях дама остановила меня в галерее и завела ничего не значащую беседу. В ходе беседы она советовала мне рассказать Ее Высочеству сплетню, просила передать конверт, или коробочку с подарком.

Помня предостережения принца и доктора Майоса, я отказывалась от всего: не брала монет и подарков, отказывалась от угощений и приглашений на бокал вина. Тогда меня подняли на смех другим способом: известный волокита прилюдно упал на колени и признался мне в вечной любви. Я растерялась, но за спиной раздался сухой голос Его Высочества:

– Лорд Фат, вы делаете предложение придворной даме моей супруги? Я могу пригласить юриста заключить контракт прямо сейчас.

– Простите, Ваше Высочество, это шутка – лорд побледнел.

Видимо, женитьба на простолюдинке, пусть и придворной даме, его не привлекала.

– В таком случае, ваши извинения не по адресу, просите прощения у этой юной леди.

Кровь бросилась лорду в лицо, но он изящно раскланялся:

– Прошу меня простить, сударыня, это была глупая шутка.

Я, неожиданно ощутив поддержку принца и холодный гнев на этого пустослова, выпрямилась и заявила:

– Я прощаю вас, лорд Фат, хотя и сомневаюсь, что вы хотя бы раз в своей жизни шутили умно. Прошу простить, дамы и господа, но меня ждет Ее Высочество.

Развернувшись, я покинула гостиную раньше его высочества, нарушив этикет. Но утром, в день отъезда я получила два букета: один, из крошечных белых роз, перевязанных атласной лентой того же цвета, украшала написанная рукой принца записка: “Это было смело”.

Почему-то это короткое послание наполнило меня гордостью и смущением.

Второй букет, неимоверно пышный и вычурный, сопровождал конверт с письмом, в котором с выражением всевозможных чувств содержалось приглашение на randevu в зеленую гостиную.

Прикасаюсь к этому безвкусному сооружению было

страшно, а после прочтения записки еще и противно.

Как мне успели пошептать горничные, эта гостиная славилась своими потайными нишами, мягкими кушетками и несколькими входами. Немало юных дам впервые появившись при дворе, простились с репутацией на милых зеленых диванчиках этого зала.

Я поблагодарила добрых женщин за помощь и поделилась с ними сладостями, которыми меня угостила принцесса. Судя по всему, лорд Фат оправился от унижения и решил взять реванш, растоптав провинциальную выскочку. К счастью, мы уезжали, и до самой посадки в кареты я не отходила от Ее Высочества, опасаясь других злобных шуток.

Когда мы только прибыли в столицу, доктор Майос побывал в гильдии медикусов. Мрачноватое здание на центральной улице охраняли королевские гвардейцы, ибо Его Величество, как и Его Высочество, не желали терять подданных из-за болезней.

Там доктор подал заявку на сдачу экзамена от моего имени. А когда узнал, что мы вскоре уезжаем, сумел договориться о том, что я сдам экзамен ему и еще двум докторам, прямо в гильдии. Только сдача такого экзамена давала право оформить разрешение на работу.

Экзамены я сдала, причем самым неожиданным образом: в больницу при школе привезли роженицу, которая мучилась третьи сутки. И именно на ней мне пришлось показывать свое акушерское искусство.

Увы, дитя спасти не удалось, но все же диплом я получила, а вместе с дипломом и бумаги на статус придворной дамы. Впрочем, это давало мне не только статус, приравнивая к девицам благородного происхождения. К должности прилагался небольшой доход, которого едва хватало на положенные этикетом платья и украшения. И все же теперь я зарабатывала в месяц больше, чем мой отец в год.

Весь путь до резиденции Наследника я ехала с Их Высочествами в одной карете. Принцесса много рисовала, или рукодельничала, а принц читал бумаги. Их молчание было дружеским, рядом с ними, как ни странно, я отдыхала. А потом принц узнал, что леди Элизия рисует те странные рисунки, которые прячет в свою папку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.